

АРХИМАНДРИТ
АВГУСТИН

ХРАМЫ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА

ИЗ ИСТОРИИ ИНОСЛАВНЫХ
И ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩИН
ПЕТЕРБУРГА

Архимандрит Августин (Никитин)

**Храмы Невского проспекта.
Из истории инославных и
православной общин Петербурга**

«Центрполиграф»

2015

УДК 86.2/3
ББК 28

(Никитин) А.

Храмы Невского проспекта. Из истории инославных и православной общин Петербурга / А. (Никитин) — «Центрполиграф», 2015

В книге, кроме рассказа о жемчужинах церковной архитектуры, расположенных на Невском проспекте Петербурга, обстоятельно изложены истории появления и существования православной и инославных общин Северной столицы от времен их зарождения до наших дней.

УДК 86.2/3
ББК 28

© (Никитин) А., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Предисловие	6
Голландская реформатская церковь	9
Петровская эпоха	9
Строительство каменного храма	16
Голландская община в эпоху Екатерины II	18
Голландская община в первой половине XIX в. Строительство нового храма	20
Голландская община во второй половине XIX в	26
Голландская община в начале XX столетия	29
Последствия октябрьской революции 1917 г	30
Последние годы церковной жизни	33
Конец существования Голландской церкви	34
Католический храм св. Екатерины	36
Католическая община в Санкт-Петербурге. Петровская эпоха	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Архимандрит Августин
(Никитин Дмитрий Евгеньевич)
Храмы Невского проспекта.
Из истории инославных и
православной общин Петербурга**

© Никитин Д.Е., 2015

© ООО «Рт-СПб», 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

Приступая к обзору истории храмов, воздвигнутых на Невском проспекте, можно отметить, что с самого начала своего основания они становились неотъемлемой частью духовной жизни города на Неве. Вот далеко не полный перечень имен тех деятелей отечественной и зарубежной культуры, чья жизнь в той или иной степени соприкасалась с храмами Невского проспекта. Это А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, И.И. Козлов, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, П. Чаадаев, И. Гагарин, Н.В. Гоголь, это знаменитые художники А.А. Иванов, О.А. Кипренский, Ф.Ф. Щедрин, К.П. Брюллов, А.Г. Венецианов, это иностранные гости, такие как Адам Мицкевич, Оноре де Бальзак, Ференц Лист, Александр Дюма.

Вскоре после гибели Пушкина увидел свет очередной выпуск «Художественной газеты». В одном из ее разделов читаем: «В Казанском соборе воздвигнут великолепный иконостас; евангелическая церковь св. Петра, которая, вероятно, в этом году совершенно будет окончена с симметрическими домами, и дом голландской церкви украсили наш Невский проспект»¹.

Главная магистраль столицы Российской империи издавна символизировала открытость петербургского общества к инославным общинам. Это отмечали многие гости, посещавшие город на Неве. Наиболее ярко это отметил в своих записках французский писатель Теофиль Готье, побывавший в России в 1858 г. «На Невском проспекте идеи религиозной терпимости прямо-таки претворены в жизнь, и самым либеральным образом. Буквально нет ни одного вероисповедания, какое не имело бы своей обители, своего храма на этой широкой улице. Налево, в том же направлении, в каком я шел до сих пор – голландская церковь, лютеранский храм святого Петра, католическая церковь святой Екатерины, армянская церковь, не считая в прилегающих улицах финской часовни и храмов других направлений Реформации. Направо – русский Казанский собор, другая православная церковь и часовня старинного культа староверов или раскольников², – отмечал французский писатель. – Все эти божьи обители стоят в одном ряду с жилищами людей, за исключением Казанского собора, который прерывает общую линию и изящным полукругом, напоминая восхитительную колоннаду собора Святого апостола Петра в Риме, выходит на обширную площадь. Фасады соборов лишь незначительно отступают назад из общей линии домов. Они, не таясь, предлагают себя вниманию и религиозному усердию прохожих; узнать их можно по особому свойственному им архитектурному стилю. У каждой церкви есть дарованные царями большие участки богатой городской застройки, где дома или участки сдаются в аренду»³.

В том же 1858 г. в Санкт-Петербурге побывал другой французский писатель – Александр Дюма. Готовясь к этой поездке, он предвкушал встречу со святынями российской столицы: «Я увижу Невский проспект, Эрмитаж, Французский театр, Таврический дворец, Петропавловскую крепость, Елагин остров, Большую Миллионную, Казанский собор, памятник Петру I»⁴.

Один из историографов Санкт-Петербурга, Павел Свиньин, в своей книге приводит эпизод, связанный с визитом в российскую столицу австрийского императора Иосифа II в июне 1780 г. «Разговаривая о Петербурге, он часто и с удовольствием повторял, что был свидетелем необыкновенных вещей в сем городе. Вообразите, – говорил он, – что пять или шесть человек идут в воскресенье вместе по улице и разговаривают дружески; придя на Невский проспект, они расходятся все на разные стороны, уговорясь в тот день обедать или быть ввечеру вместе.

¹ Художественная газета. 1837. Фев. № 3. С. 41.

² Еще в 1792 г. Федор Туманский сообщал о том, что близ Невского проспекта находится «молитвенный дом старообрядцев, по так называемому Апраксину переулку, в доме купца Косцова» // Российский магазин. 1792. Ч. 1. С. 178.

³ Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 41.

⁴ Дюма А. Путевые впечатления в России. Т. 1. М., 1993. С. 47.

Все они пошли к обедне, но только один из них идет в русскую церковь, другой в лютеранскую, третий в реформатскую и так далее: все они были различных вер. Сие согласие между разноверцами не приносит ли отличной чести русскому правительству и характеру россиян?»⁵

В начале XIX в. был даже проект, предложенный одним французом – изменить название Невского проспекта на «Rue de tolerance», т. е. (веро)терпимости, причем в качестве повода к подобному переименованию он указывал на построенные на Невском проспекте церкви – католическую, лютеранскую, реформатскую и армянскую⁶.

Н.В. Гоголь, самый известный певец Невского проспекта, также подметил эту характерную черту Северной Пальмиры: «Трудно схватить общее выражение Петербурга. Есть что-то похожее на европейско-американскую колонию: так же мало коренной национальности и так же много иностранного смещения, еще не слившегося в плотную массу. Сколько в нем разных наций, столько и разных слоев общества»⁷. Однако в своем «Невском проспекте» Гоголь не уделил внимания храмам, украшавшим главную «перспективу» столицы, хотя у Николая Васильевича была такая попытка, когда он писал «Нос».

Свою фантастическую повесть Гоголь послал в редакцию «Московского Наблюдателя», но она не была принята. «Нос» напечатали только через год, в третьем томе пушкинского «Современника» (1836 г.), причем сцену в Казанском соборе цензура не пропустила. В письме, адресованном М.П. Погодину (18 марта 1835 г.), Гоголь писал: «Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкви, то, пожалуй, можно его перевести в католическую»⁸, но в окончательном виде Казанский собор заменен Гостиным двором⁹.

Много живший за границей, Гоголь так определил свою позицию в отношении инославия: «Я не переменяю обрядов своей религии. Это совершенно справедливо. Потому что как религия наша (православная. – а. А.), так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую. Та и другая истинна. Та и другая признают одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же Божественную Мудрость (Иисуса Христа. – а. А.), посетившую некогда нашу землю, претерпевшую последнее унижение на ней, для того чтобы возвысить выше нашу душу и устремить ее к небу»¹⁰. А ныне застывший в бронзе близ Невского проспекта, на Малой Конюшенной улице, Гоголь смотрит на православный Казанский собор. Слева от него, за домами, католическая церковь Святой Екатерины, справа – лютеранская Петрикирхе...

Приведем те слова из «Описания Санкт-Петербурга», которые историограф Федор Туманский в конце XVIII века посвятил Невскому проспекту: «Невская большая улица составляет славу России и во всей поднебесной не имеет себе подобных тем, что на одной сей улице сооружены церкви осьми разных языков, разного веры исповедания. а) Российския: Рождества и Входа; б) римско-католическая, в) армянская, г) лютеранская немецкая, д) шведская, е) финская, ж) реформатская французско-немецкая, з) реформатская голландская, – пишет русский автор. – Се торжество христианина, объемлющего единым взором толико различных храмов, в которых иноязычники, иноземцы, инообрядцы, едиными усты Всевышняго славословя, молят о благоденствии России. Вы, народы, просвещением гордящиеся и тщетно над Россиею превознести желавшие, покажите нам не улицу, но по крайней мере город, толико славное зрелище в себе заключающий!»¹¹

⁵ Свиньин П.П. Достопамятности Петербурга. Ч. 1. СПб., 1816. С. 56.

⁶ Северцев Г.Т. (Полилов). С.-Петербург в начале XIX века // Исторический вестник. 1903. Т. 92. Май. С. 621.

⁷ Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года. Полн. собр. соч. Т. 8. М.-Л., 1952. С. 179.

⁸ Гоголь Н.В. ПСС. Т. 10. Письма. 1820–1835. М., 1940. С. 355.

⁹ Там же. С. 492 (примеч.).

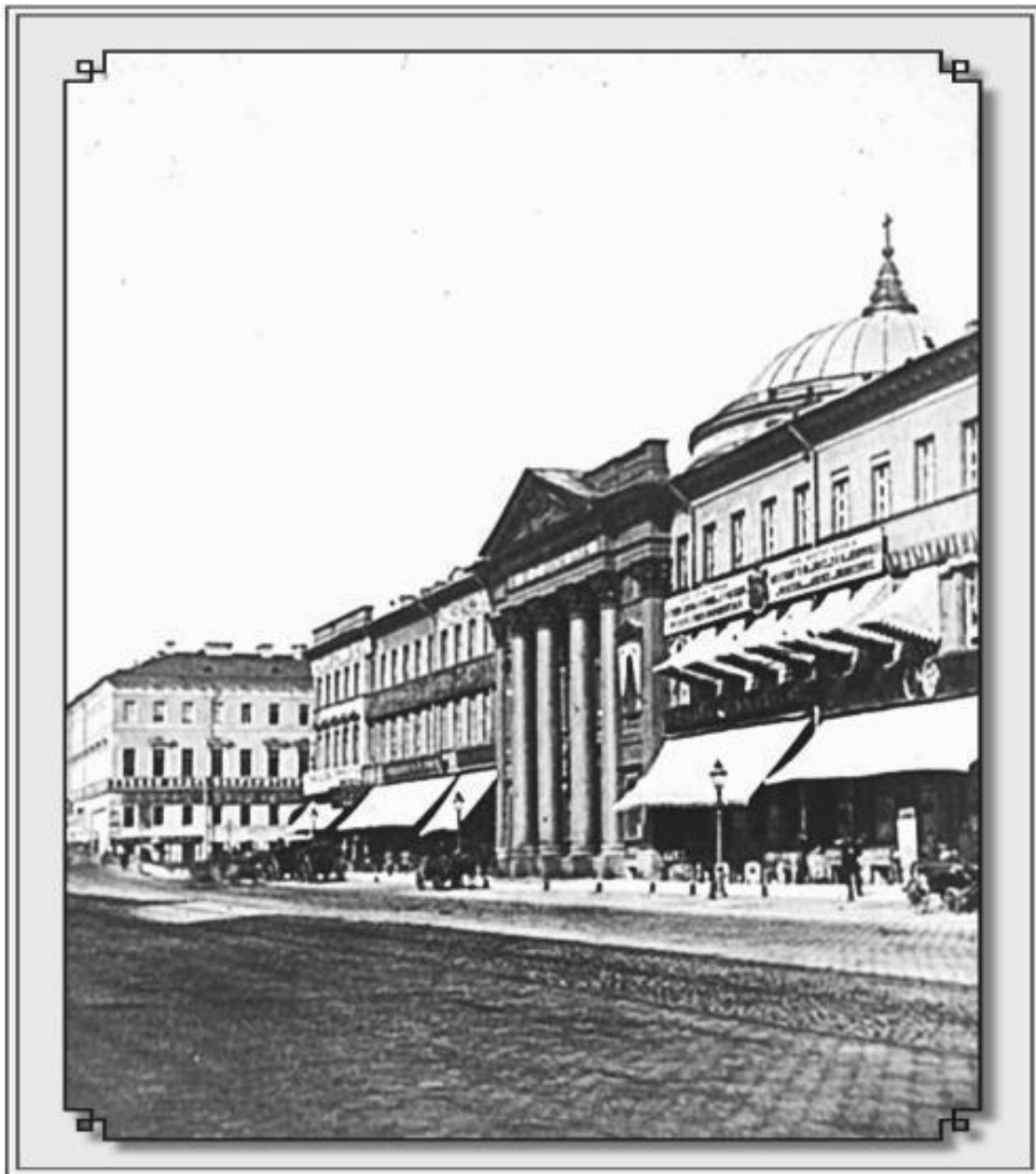
¹⁰ Гоголь Н.В. ПСС. Т. 11. М.-Л., 1952. С. 118–119. Письмо матери Марии Ивановне Гоголь. 22 декабря (н. ст.). 1837. Рим.

¹¹ Туманский Ф. Описание Санкт-Петербурга // Российский магазин. СПб., 1793. Ч. II. С. 174.

Ремарка редактора

Для нецерковных людей и приверженцев нехристианских верований в завершении книги мы поместили краткий словарь некоторых религиозных терминов и понятий.

Голландская реформатская церковь

Петровская эпоха

По преданию, в ноябре 1703 г. голландский шкипер Ауке Выбес первым привел свое судно в только что основанный Санкт-Петербург. Он с потомками получил право беспошлинной торговли с Россией. Его судно получило имя «Санкт-Петербург» и ходило до 1770 г., когда было разобрано на части¹².

Голландские переселенцы обосновались на невских берегах вскоре после того, как Петр I в 1703 г. заложил здесь будущую столицу Российской империи. Один из иностранцев, современник первых лет истории города на Неве, в своих записях 1710 г. сообщал о месте поселения

¹² Макаров Б. Голландцы в России в 1-й половине XVIII века. СПб., 2009. С. 69.

голландцев и других жителей Санкт-Петербурга: «По ту сторону реки (Невы. – *а. А.*), насупротив крепости (Петропавловской. – *а. А.*) расположена Немецкая слобода, называемая иначе Адмиралтейским островом, где в мое время жили преимущественно немцы и голландцы, служащие во флоте, и иностранные посланники, а также и многие из русских»¹³.

Далее тот же автор, немец по происхождению, упоминает о том, что в этой слободе среди прочих домов «находится маленький домик голландской архитектуры, в котором Его Величество (Петр I. – *а. А.*) живет зимой»¹⁴.

К этому времени в С.-Петербурге уже построили деревянную голландскую реформатскую церковь (1708 г.), причем расположили ее во дворе дома адмирала Крюйса, неподалеку от зимней резиденции Петра I. Об этом также сообщает в своих записках немецкий автор: «Несколько далее живет, в той же улице, вице-адмирал, его превосходительство господин Корнелис Крюйс, родом голландец, или, по крайней мере, воспитанный в Голландии»¹⁵. Он занимает обширный дом, и у него же во дворе находится реформатская церковь, которой приход наиболее состоит из служащих во флоте и некоторых других, водворившихся в С.-Петербурге или временно там пребывающих немцев»¹⁶. (Единственное дошедшее до нас изображение церкви на земле Крюйса – это гравюра, выполненная Никитой Челнаковым. Церковь построена в 1708 г., сгорела в 1737 г.)¹⁷

Корнелий Иванович Крюйс (1657–1727) находился на русской службе с 1697 г.; в 1700–1701 гг. участвовал в строительстве русского флота под Воронежем, в 1702 г. укреплял фортификационные сооружения Архангельска, несколько раз отражал атаки шведов у Кронштадта и пользовался большим авторитетом как у русских, так и у инославных христиан. По этому поводу немецкий автор замечает, что адмирал Крюйс, «сверх своей должности, также главный старшина всех евангелических и реформатских церквей и школ в России и прирожденный покровитель и патрон всех немцев и голландцев»¹⁸.

На первых порах голландская община в С.-Петербурге была небогатой, и приход испытывал нужду в самых необходимых вещах. «За неимением при этой церкви колоколов время богослужения возвещается поднятием на углу двора, выходящем к набережной, присвоенного г-ну вице-адмиралу флага, на котором изображен голубой крест в белом поле»¹⁹, – так сообщалось о первых годах деятельности этого прихода.

Первым пастором реформатской общины в Санкт-Петербурге стал Вильгельм Толле, который прибыл в город на Неве из Амстердама в 1704 г. по приглашению адмирала Крюйса²⁰. Вот что сообщает об этом пасторе, своем земляке, немецкий автор: «Первым пастором при этой церкви состоял один геттингенский уроженец, скончавшийся осенью 1710 г., к общему сожалению всего своего прихода, довольно многочисленного. Этот пастор, по имени Вильгельм Толле, был благочестивый и ученый человек, знавший 14 языков и проповедовавший обыкновенно по-немецки или по-голландски, а иногда и по-фински для прихожан из финнов»²¹.

Таким образом, пастор В. Толле лишь в течение нескольких лет духовно окормлял протестантов, живших в С.-Петербурге. Но даже за столь короткое время он зарекомендовал себя как неутомимый исследователь Ингерманландии – тех земель, на которых была основана новая

¹³ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 гг. (пер. с нем.) // Русская старина. 1882. Т. 36. № 10. С. 42–43.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Адмирал Крюйс родом из норвежского местечка Ставангера и начал службу на голландском флоте. (См.: Там же. С. 45. Прим. 2).

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ Голландцы и их церковь в Санкт-Петербурге. 1704–1927. СПб., 2002. С. 18.

¹⁸ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота... С. 300.

¹⁹ Там же. Т. 36. № 10. С. 45.

²⁰ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота... № 10. С. 46. Прим. 1.

²¹ Там же. С. 45–46.

русская столица. Так, пастор В. Толле «ездил однажды за Шлиссельбург и Новую Ладугу для поиска древностей и с этой целью разрыл несколько древних языческих курганов, – сообщал его современник. – Часть найденных в них разных старинных редких монет и медалей он и описал»²².

В 1710 г. в Петербург пригласили двух пасторов из немецкого города Галле, и один из них, Нациус, возглавил протестантскую общину, заменив умершего пастора В. Толле. (Что касается другого пастора, то он получил назначение сопровождать адмирала Крюйса с флотом на Азовское море²³). Так как Нациус не был знаком с голландскими обрядами богослужения, он попросил инструкций из Галле от пославшего его в Санкт-Петербург пастора Франке: «Могу ли я надеяться получить от Вашего Благородия письменное подробное отеческое наставление, особенно о том, как я должен вести себя по отношению к тем, кто принадлежит не к нашей, а к реформатской и английской Церкви? Буду Вам сердечно признателен. Вкратце я сообщаю, что блаженной памяти Толле исполнял обряды на голландский манер. В здешней церкви не крестятся, не собирают взносов. Здесь нет алтаря, а лишь стол. Прошу Вас вкратце просветить меня, как объяснить людям, что все это никакого отношения к папе не имеет. У них также нет в церкви образов и т. д. Не могло бы Ваше Благородие прислать мне книжечку, которая обстоятельно объяснила бы подобные внешние символы. Буду Вам очень благодарен. В остальном я оставляю все так, как ввел в обычай блаженной памяти Толле»²⁴.

В те годы Петербург живо напоминал выходцам из Голландии об их прежней родине: «На стрелке Васильевского острова, против крепости, сверх нескольких маленьких домов, три прекрасные новопостроенные голландские ветряные мельницы, преимущественно для пилки бревен и досок»²⁵, – таковы некоторые черты облика «Санкт-Питербурха», как первоначально называли его на голландский манер. К этому времени иностранцы, жившие в Санкт-Петербурге, пользовались все большими преимуществами. В «Истории Петра» А.С. Пушкин записал под 1710 г.: «Всем христианским вероисповеданиям Петр дозволил иметь в России церкви и избирать церковный совет, не состоя под ведомством (православного) Синода»²⁶.

С 1712 г. в город начали переводить из Москвы высшие государственные учреждения; вскоре сюда перенесли свою дипломатическую деятельность и иноземные посланники. Среди них – голландский резидент барон Яков де Би (Яков де Бизэ), перу которого принадлежат записки об одном из драматических эпизодов петровской эпохи – деле царевича Алексея (1718 г.). Изложение этих событий, в которых принимало участие и русское духовенство, голландский дипломат вел по свежим следам, что придает его заметкам особую ценность²⁷. (О причинах недовольства, побудивших представителей высшего духовенства Русской Церкви принять участие в заговоре против Петра I, сообщал еще в 1702 г. голландский путешественник Корнилий де Бруин. По его словам, власть русского самодержца «простирается даже на дела духовные, устройство и изменение богослужения по своей воле: это уже такая область, касаться которой другие венчаные особы воздерживаются из опасения возбудить против себя духовенство»²⁸).

²² Там же. С. 59.

²³ Там же. С. 46.

²⁴ Цит. по: Холтруп П.Н. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Краткий обзор. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Сб. статей. СПб., 2001. С. 16.

²⁵ Там же. С. 47–48.

²⁶ Пушкин А.С. ПСС. Т. X. С. 143.

²⁷ 16 выписок из секретных донесений голландского резидента в С.-Петербурге барона Якова де Бизэ, от 1718 г., относящихся к делу о царевиче Алексее Петровиче, были переведены в 1872 г. с голландского языка князем Иваном Николаевичем Шаховским по спискам с подлинных голландских документов, хранящихся в Королевском музее в Гааге. (См.: «Русский архив». 1907. № 7. С. 314).

²⁸ Корнилий де Бруин. Путешествия в Московию. Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 87.

Отметив, что против Петра I был составлен заговор и что недовольство зрело в разных кругах русской общественности, де Би продолжает: «Вождями одной из этих партий были отлученная царица, царевна Мария, майор Глебов и некоторые другие лица, между которыми находится митрополит Ростовский, успевший поддерживать всех заговорщиков в их замыслах»²⁹.

Поскольку действия заговорщиков поддерживались частью церковных деятелей, Петр I, по раскрытии заговора, решил свои дальнейшие действия также освятить авторитетом Церкви. Голландские реформаты, жившие в С.-Петербурге, были хорошо осведомлены о тогдашней ситуации, что видно из дальнейшего повествования голландского резидента. «25 числа июня месяца (1718 г. – а. А.) рано утром, Сенат, генералитет и духовенство собрались в церкви, где в присутствии царя было совершено богослужение и призвано благословение Божие, – сообщал де Би. – После того все сии сановники отправились в большую залу Сената, куда приведен был царевич Алексей, окруженный сильным конвоем»³⁰.

В замыслы Петра I входило вовлечение православного духовенства в политическую борьбу на своей стороне, и голландский резидент показывает это со всей очевидностью. Сообщив о кратком слушании дела, в ходе которого была оглашена переписка заговорщиков, де Би сообщает далее: «После чтения его величество начал упрекать сына своего, который во время пребывания их в Москве обещался и клялся на Евангелии, что раскроет все действия, намерения свои, а равно и сообщников своих, между тем как он не открыл и сотовой части того, в чем клялся сознаться, из чего видна решимость его коснеть в преступных своих замыслах. Его высочество, пав на колени, умолял о пощаде. Тогда царь, поцеловав своего сына, со слезами на глазах сказал ему, что он с глубокой горестью видит его виновным в столь преступном посягательстве, что в Москве он мог бы ему простить то, в чем он сознался, но что теперь не желает более судить те преступления, которые он утаил, и что поэтому он предаст царевича и его сообщников суду здесь присутствующего духовенства»³¹.

Церковная сторона дела постоянно отражалась в дальнейших сообщениях голландского посланника. Так, он еще раз подчеркнул, что Петр I «тем более опечален этим, что в Москве он даровал жизнь царевичу Алексею с условием, что сей последний покажет всю истину, в чем царевич клялся на Евангелии, на кресте и перед принятием Св. Тайн»³². В донесении де Би еще раз отмечено также, что суд над царевичем Алексеем Петр I стремился освятить авторитетом Церкви: «Верховное судилище открыто было 25 июня в зале Сената, куда прибыл царь в сопровождении ста членов суда после совершенного в церкви богослужения, в котором призывалось на них благословение Духа Святого»³³.

И хотя исход дела Петр I заранее predetermined, он снова и снова старался опереться на авторитет высшего духовенства, в чем, по-видимому, и преуспел, как об этом повествует далее голландский посланник: «Обращаясь к духовенству, его величество просил его рассмотреть это дело со тщанием и произнести приговор, за который они не страшились бы ответить пред Всемогущим Богом, целым миром и самим царем; но вместе с тем его величество убеждал духовенство быть умеренным и не быть неумолимым. Это событие, которого не ожидали, произвело потрясающее действие, и в скором времени результат оного сделается известным»³⁴.

Разгром заговорщиков, среди которых были и духовные лица, осуществлялся быстро и решительно: «Киевский архиепископ и еще три высокопоставленные лица должны быть при-

²⁹ Дело царевича Алексея Петровича по известиям голландского резидента Де-Биэ // Русский архив. 1907. № 7. С. 317. Сообщение от 29 апреля 1718 г.

³⁰ Дело царевича Алексея Петровича по известиям голландского резидента Де-Биэ // Русский архив. 1907. № 7. С. 320. Сообщение от 29 апреля 1718 г.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 321.

³³ Там же. С. 322.

³⁴ Там же. С. 320.

везены сюда; но этим, как кажется, не кончатся аресты»³⁵, – писал де Би. Суд, составленный «из духовенства, сенаторов, губернаторов, генералитета и чинов Преображенского полка, что доходит до 100 человек, собирается ежедневно»³⁶.

На стороне царевича Алексея оказались приверженцы старинного уклада жизни, противившиеся крутым преобразованиям Петра I во многих сферах, в том числе и церковной. Это отразилось в записях голландского посланника, тот отметил, что на суде царевич «объявил себя поборником старинных нравов и обычаев, так же как и русской веры, и этим самым привлек к себе сочувствие и любовь народа»³⁷.

Петр I отчетливо видел сильные стороны позиции противников реформ и те симпатии, которые могли проявить к царевичу Алексею служители Церкви. Поэтому он ни на секунду не упускал из своих рук инициативу, и снова он обращается к духовенству с обращением, которое, в изложении голландского резидента, звучит следующим образом: «Смотрите, как зачерствело это сердце, и обратите внимание на то, что он говорит. Соберитесь после моего ухода, вопрошите свою совесть, право и справедливость и представьте мне письменно ваше мнение о наказании, которое он заслужил, злоумышляя против отца своего. Но мнение это не будет конечным судом; вам, судьям земным, поручено исполнять правосудие на земле. Во всяком случае, я прошу вас не обращать внимание ни на личность, ни на общественное положение виновного, но видеть в нем лишь частное лицо и произнести ваш приговор над ним по совести и законам. Но вместе с тем я прошу также, чтобы приговор ваш был умерен и милосерд, насколько вы найдете возможным это сделать»³⁸.

Нет необходимости говорить о том, что при активном участии Петра I суд закончился вынесением приговора о смертной казни царевича Алексея, и в 1718 г. он умер под пытками. В том же 1718 г. Якоб де Би уехал из С.-Петербурга.

Драматично складывалась и дальнейшая судьба Крюйса. В 1713 г. в морском бою, преследуя шведскую эскадру, Крюйс посадил на мель свой корабль – 50-пушечный «Выборг». Состоявшийся вскоре суд (а судьи, по-видимому, являлись недругами Корнелия Крюйса) приговорил вице-адмирала к смертной казни. Суровую кару заменили ссылкой в Олонец (по другим данным – в Казань). Но царь Петр помнил заслуги Крюйса, и в 1715 г. Крюйс возвращен в Санкт-Петербург, назначен на руководящий пост в Адмиралтействе, стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, а в 1721 г. получил чин адмирала. Скончался Крюйс в 1727 г.

...Несмотря на события, потрясавшие Петербург, жизнь голландской общины шла своим чередом. Болес ван Хартман (1683–1764), приехавший в город по контракту в 1713 г., строил шпили Адмиралтейства, Петропавловского собора, Симеоновской церкви³⁹. Голландский купец Иоганнес Броувер (Johannes Brouwer) в 1713 г. подписал прошение парламенту Нидерландов об основании реформатской общины в С.-Петербурге⁴⁰.

Голландский «каменных дел мастер» Конрад Христофор в 1715–1722 гг. строил дома в Кронштадте и Александро-Невском монастыре⁴¹. В «Истории Петра» А.С. Пушкин сообщает об одном из деяний царя: «Февраль 1717 г. Заключил договор с типографщиком Даниилом Леейвеном о напечатании Ветхого и Нового Завета на голландском языке, на половине листа, дабы припечатать потом и славенский текст, что и исполнено в 1721 году»⁴².

³⁵ Там же. С. 323.

³⁶ Там же. С. 321. Сообщение от 4 июля 1718 г.

³⁷ Там же. С. 322.

³⁸ Дело царевича Алексея Петровича по известиям голландского резидента Де-Биэ // Русский архив. 1907. № 7. С. 322–323. Сообщение от 4 июля 1718 г.

³⁹ Макаров Б. Голландцы в России в 1-й половине XVIII века. СПб., 2009. С. 45.

⁴⁰ Там же. С. 52.

⁴¹ Там же. С. 123.

⁴² Пушкин А.С. ПСС. Т. X. С. 231.

Из-за постоянного притока иностранцев первая протестантская община быстро разрас-талась и вскоре оказалась перед необходимостью разделения конфессий. В 1717 г. учреждена голландская община, в 1719 г. открыли свою церковь англичане, за ними в 1723 г. – французы с частью немецкоязычных швейцарцев.

Голландцы были первыми, кто пожелал, чтобы службы в церкви велись на их родном языке. Якоб де Би, посол Генеральных штатов⁴³ при царском дворе, а также некоторые купцы в Санкт-Петербурге, готовые гарантировать жилье и содержание, обратились с ходатайством в классис⁴⁴ Амстердама, ответственный за церковь в Санкт-Петербурге, послать на службу в Санкт-Петербург голландского пастора. Такой кандидат был найден; 6 сентября 1717 г. рекомендательное письмо пришло пастору Херманусу Герардусу Грубе⁴⁵. (Что касается пастора Нациуса, то он возглавил немецкую общину, и в 1730 г. немецкие лютеране открыли свою церковь Петрикирхе.) 20 ноября 1717 г. новый пастор голландской общины приступил к исполнению своих обязанностей. Эта дата считается началом голландской церкви в С.-Петербурге⁴⁶.

Хотя в 1718 г. община насчитывала всего 84 семьи, число их возрастало. В списке членов общины за 1724–1728 гг. упоминалось 125 прихожан, делавших пожертвования в пользу церкви; среди последних было много купцов (известные купцы – Херман Мейер и Ян Лупс). Историк XVIII в. Якобус Схелтема (1767–1835) с присущим ему увлечением красочными подробностями сообщает о том, что остальные купцы с завистью во взоре наблюдали за процветанием торговых домов Мейера и Лупса. «Обладая монополией на торговлю смолой, господин Мейер, кроме того, поставлял риксдалеры и другое серебро для нужд императорского монетного двора, а также получал прибыль как банкир от сделок по переводу выплат за границу. Никто из голландских купцов никогда больше не пользовался таким исключительным расположением императора. Каждый раз, когда его призывали в Совет, император приказывал поставить для него стул прямо позади себя, чтобы иметь возможность непосредственно говорить с ним. Все называли его „богач Мейер“».

В социальном плане состав общины Голландской церкви в начале ее существования отражал разнообразие занятий жителей С.-Петербурга в годы правления Петра: здесь были купцы, морские офицеры, офицеры и матросы торговых судов, а также ремесленный люд, привлеченный для строительства нового города на Неве⁴⁷.

Петр I испытывал теплые чувства к реформатам, работавшим на благо России. Один из них – голландский плотник Ария Гоутер. В 1718 г. он строил каналы внутри и вокруг Адмиралтейства, а с 1718 по 1728 г. строил Ладожский канал⁴⁸.

Петр I иногда присутствовал при совершении реформатских церковных обрядов. Так было, когда в январе 1719 г. состоялись похороны бывшего царского лейб-медика и советника Арескина, умершего в Олонце. Его тело доставили по зимнему тракту в С.-Петербург, и здесь в доме покойного Петр I присутствовал при отпевании, которое совершил на голландском языке реформатский пастор, после чего он же произнес проповедь. О широкой веротерпимости Петра I свидетельствует тот факт, что тело Арескина, реформата по вероисповеданию, похоронили на территории православного Александро-Невского монастыря (ныне – Александро-Невская лавра).

Один из немецких дипломатов, живших в то время в Петербурге, подробно описал похоронную процессию, в которой участвовал и Петр I. «4 января 1719 г. совершены были вели-

⁴³ Генеральные штаты – высшее сословно-представительное учреждение: в современных Нидерландах – парламент.

⁴⁴ Классис – часть провинции в организации церковного управления протестантских церквей.

⁴⁵ Холтрон П.Н. Указ. соч. С. 16.

⁴⁶ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 87.

⁴⁷ Там же. С. 87–88.

⁴⁸ Макаров Б. Голландцы в России в 1-й половине XVIII века. СПб., 2009. С. 88.

колепные похороны, – пишет немецкий автор. – Похоронная процессия направлялась в новый Александро-Невский монастырь, лежащий в 7-ми верстах от Петербурга. Его царское величество следовал за телом... Тело несли придворные медики и знатнейшие хирурги, одетые в черных мантиях, до самого моста в Немецкой слободе, в сопровождении бесчисленного множества народа, освещаемые 200 факелами, а от этого моста тело поставлено на сани, на которых и везено было уже до помянутого монастыря. Здесь, в монастыре уже, от самых ворот до часовни стояли по обеим сторонам солдаты, тоже с факелами, неугасаемыми на ветру, и его царское величество сопровождал гроб, держа в руке, по русскому обычаю, восковую горящую свечу, до самого могильного склепа, сделанного между склепами царевны Наталии и голландского контр-адмирала»⁴⁹.

Что касается участвовавших в похоронной процессии реформатского и лютеранского пасторов, то, по сообщению того же автора, они «получили подарки флером и золотыми кольцами, на которых вырезаны были имя и день смерти покойного»⁵⁰. Будучи реформатом, Арескин часть своих средств завещал Эдинбургскому госпиталю, а именно: «Деньги, вырученные от принадлежавшей ему мебели»⁵¹. Так причудливо переплелась в лице Арескина история пресвитерианской Шотландии, реформатской Голландии и православного Олонецкого края, где служил покойный лейб-медик. К этому надо добавить, что с 1719 по 1723 г. садовником Александро-Невского монастыря служил голландец Гарцын (Герсен) «Юрий Антонов»⁵².

В 1719 г. в Петербурге обосновался купец Варфоломей Борст. В числе других именитых голландцев он занимал пост старшины голландской реформатской церкви и был жертвователем в ее пользу. От голландской реформатской общины Борст просил Генеральные Штаты прислать в Петербург собственного пастора⁵³. С 1720 по 1729 г. резидентом Генеральных Штатов в России был Вилде де Виллим (Willem; 1683–1729). В течение ряда лет он являлся жертвователем на реформатскую церковь в городе. В 1724 г. на крещении его сына Карела Фредерика крестным отцом стал сам царь Петр I⁵⁴.

⁴⁹ Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях (1713–1720) // Русский архив. 1872. № 6–9. С. 1641.

⁵⁰ Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях (1713–1720) // Русский архив. 1872. № 6–9. С. 1641–1642.

⁵¹ Там же. С. 1642.

⁵² Макаров Б. Голландцы в России в 1-й половине XVIII века. СПб., 2009. С. 75.

⁵³ Там же. С. 48.

⁵⁴ Там же. С. 63.

Строительство каменного храма

Голландская община, образовавшаяся в С.-Петербурге при реформатской церкви, построенной в 1708 г., со временем увеличилась. Некоторые из прихожан выполняли заказы православных общин города на Неве. Так, голландский купец Дирк Раш (Рам) в 1729 г. продал олово (по 7 руб. за пуд) для паяния железных листов на крыше Петропавловского собора⁵⁵. В 1730 г. купец Абрам Лимбург поставлял материалы из Голландии для капитального ремонта Троицкого собора⁵⁶. В мае 1732 г. по распоряжению Святейшего Синода голландскому граверу Оттомару Эллигеру жившему в С.-Петербурге, поручили гравировать штамп антиминса «в новопостроенную церковь, что в Летнем доме» императрицы Анны Иоанновны⁵⁷.

В годы правления Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) руководство общины решило построить новую церковь взамен сгоревшей деревянной и обратилось к русской императрице с прошением дозволить купить «обретающийся на Адмиралтейской стороне, перешед зеленый мост, на Мойке реке, по левой стороне перспективы угольный (угловой. – а. А.) дом господина генерал-лейтенанта Лефорта»⁵⁸.

Прошение удовлетворили, и в 1730 г. голландцам выделили участок под церковь на углу реки Мойки и Невского проспекта. Впоследствии голландская община купила соседнее двухэтажное здание – на углу Невского проспекта и Большой Конюшенной, которым ранее владела графиня Строганова⁵⁹. Образовался единый земельный участок, где «угольные дома» разделялись обширным пустующим двором.

Часовню Крюйса снесли в 1730 г. из-за ее ветхости, после чего богослужения перенесли в дом, купленный общиной Голландской церкви за 315 руб. 75 коп. Участок с этим домом располагался на углу реки Мойки и (будущего) Невского проспекта⁶⁰.

Помещение церкви построили на Мойке между участком полиции и домом пастора. С Мойки был и вход в церковь. «Церковь эта имела вид обыкновенного здания; богослужение отправлялось в большой зале, – сообщалось в православной печати. – Первым пастором был Грубе»⁶¹. Несмотря на то что община никогда не была большой, за исключением короткого периода в XVIII в., она всегда имела священников; некоторые из них – заметные и интересные личности. Преемником скончавшегося в 1724 г. первого пастора голландской церкви Х. Г. Грубе стал Г. Крамер, в течение последующих 20 лет, вплоть до своей смерти в 1744 г., служивший общине⁶².

Пастор Й. Гаргон (служил на приходе с 1770 г.) – первый летописец истории голландской реформатской церкви в Санкт-Петербурге. Он пишет, что новое здание храма построено в 1741 или в 1742 г. под наблюдением пастора Г. Крамера⁶³. Однако петербургский историкограф Федор Туманский приводит более раннюю дату постройки: «Реформатская голландская каменная (церковь), в 1739 году заведенная, состоит близ Зеленого моста в доме ныне купца

⁵⁵ Там же. С. 161.

⁵⁶ Там же. С. 135.

⁵⁷ Там же. С. 133–134.

⁵⁸ Аспидов А.П. Рождение и жизнь голландского дома // Ленинградская панорама. 1987. № 4. С. 29.

⁵⁹ Пыляев М.И. Петербургская жизнь за сто лет // Новое время. 1881. № 2061.

⁶⁰ Арнаутсе А.В., Хаан Г.М. де. От «дома на маленькой речке» к «Deo et Servatori Sacrum». // Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Сб. статей. СПб., 2001. С. 66.

⁶¹ Православное обозрение. 1863. Дек. С. 309.

⁶² Холтрон П.Н. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Краткий обзор. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Сб. статей. СПб., 2001. С. 18.

⁶³ Арнаутсе А.В., Хаан Г.М. де. Указ. соч. С. 68.

Брауера»⁶⁴. Это противоречие можно упразднить, если допустить, что 1739 г. – начало возведения храма, а 1741–1742 гг. – завершение строительства.

Необходимые на постройку средства получили в виде пожертвований от Генеральных штатов – 2000 гульденов и от сбора средств в Амстердаме, принесшего около 5000 гульденов. Члены общины и заинтересованные лица в Санкт-Петербурге внесли также свои вклады в строительство⁶⁵.

В 1744 г. любимого прихожанами пастора Крамера сменил пастор Й.Ф.Х. Карп (1719–1794). Его служение на этой должности закончилось плачевно в 1749 г. – ссорой с церковным советом. Конфликт возник из-за расхождения во мнении о назначении солиста церковного хора и постепенно перешел в борьбу за власть не только между давними прихожанами и ново-прибывшими, в числе которых был и сам пастор, но также между российскими властями и представителем нидерландского правительства. Конфликт разрешился только после продолжительной судебной тяжбы с участием российских властей. Расходы, связанные с судебным разбирательством и с неудачным результатом для церковного совета, поставили общину на грань разорения⁶⁶.

⁶⁴ Туманский Ф. Указ. соч. // Российский магазин. 1792. Ч. 1. С. 171.

⁶⁵ Арнаутсе А.В., Хаан Г. де. Указ. соч. С. 68.

⁶⁶ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 90.

Голландская община в эпоху Екатерины II

По причине затянувшегося внутрицерковного конфликта община смогла назначить следующего пастора лишь в 1770 г., а пока была вынуждена пользоваться услугами пасторов французской и немецкой реформатских общин. С ними у голландцев еще раньше установились прочные связи, в свою очередь они тесно сотрудничали и между собой. Немецкий пастор Л.Ф.А. Дилтей (1726–1767 гг.) находился на службе у французской и немецкой реформатской общин С.-Петербурга, однако при назначении его на должность в 1760 г. голландцы решительно заявили, что также считают его своим пастором⁶⁷.

Одно время даже рассматривался вопрос об объединении всех трех общин в церковное сообщество, однако до дела не дошло. Голландские моряки, с которых взимался «церковный налог», потребовали на этом основании ведения службы на родном языке. Община из-за конфликта с Карпом потеряла почти всех своих членов: если в 1748 г. она насчитывала 176 членов (мужчин), то в 1770 г. их стало всего 22.

Но внутренние конфликты не влияли на укреплявшиеся русско-голландские связи. Так, голландский мастер Петр Броувер (на русской службе с 1741 г.) восстановил сгоревший шпиль Петропавловского собора⁶⁸. Голландец Андрис Форсен (Andries Voorsing), «часового дела мастер», стал первым городским часовым мастером города. Он монтировал и много лет обслуживал часы на Петропавловском и Исаакиевском соборах, церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Скончался в 1747 г.⁶⁹

Его дело продолжил часовой мастер Оорт Краас Барент (ум. в 1764 г.). Он привез в Петербург новые часы с карильоном для колокольни Петропавловского собора, которые изготовил в Голландии по заказу русского правительства⁷⁰.

В 1770 г. для голландской общины назначили нового пастора – Я.И. Гаргона (1770–1775 гг.). За время его служения к 1775 г. число членов опять возросло⁷¹. Пастор Гаргон оставил описание интерьера голландского храма: «Расположение кафедры и скамей для пастора, церковного совета и общины – согласно голландскому вкусу, но без стульев, а со скамьями по обеим сторонам до самого конца и с широким подходом к ограде для крещения и кафедре. Вся резьба по дереву покрашена в небесно-голубой цвет, растительный орнамент всюду позолочен, что очень украшает и без того красивую кафедру. Мужчины сидят по правую руку, женщины – по левую, до самого конца на скамьях, скамьи пастора и членов церковного совета, как и у нас, стоят вдоль стен по правой и левой сторонам, неподалеку от ограды. Аналои покрыты зеленой тканью»⁷².

Гаргон сообщает, что в мае 1771 г. из-за сгнивших балок чуть не обрушились чердак церкви и крыша кафедры. Появилась необходимость заменить их, и службы временно были перенесены в одну из комнат Гаргона. В результате ремонта был поднят потолок церкви, пристроена еще одна комната и проложена новая отопительная система. После окончания работ Гаргон написал стихотворение «В честь замечательного ремонта Голландской реформатской церкви в Санкт-Петербурге, оконченного 24 июля 1771 г.»⁷³.

⁶⁷ Там же. С. 90.

⁶⁸ Макаров Б. Голландцы в России в 1-й половине XVIII века. СПб., 2009. С. 53.

⁶⁹ Там же. С. 204.

⁷⁰ Там же. С. 127.

⁷¹ Холтрон П.Н. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Краткий обзор. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Сб. статей. СПб. 2001. С. 18.

⁷² Арнаутсе... С. 70.

⁷³ Там же.

В 1752 г. на русскую службу поступил Йохан Исаак де Сварт. С 1773 по 1791 г. он являлся нидерландским резидентом и главой голландской колонии в С.-Петербурге. Йохан Сварт подвизался и на церковном поприще, сначала как церковный староста (с 1769 по 1772 г.), а затем как председатель церковного совета голландской реформатской церкви (с 1774 по 1793 г.)⁷⁴.

Среди постоянных и временных прихожан насчитывалось большое количество германо- и франкоязычных членов общины. Появилась необходимость иметь, по крайней мере, двуязычного пастора. В 1769 г. данное желание совершенно четко, с полной ясностью высказал церковный совет. Поэтому преемником Гаргона стал Й.Х.Л. Реутер, немец, который учился в Голландии. Реутер являлся пастором в церкви с 1777 по 1798 г.⁷⁵

Уже упоминалось, что голландские моряки требовали проведения богослужений на своем родном языке, да и другие прихожане, особенно новоприбывшие из Фризенвейна, предпочитали ведение службы на голландском. Это было отражением сложившейся ситуации. Для большинства более или менее постоянных прихожан немецкий – язык повседневного общения, тем не менее новоприбывшие и заезжие оказались в состоянии настоять на проведении богослужений на голландском. В 1777 г. церковный совет постановил, что впредь службы должны будут проводиться как на немецком, так и на голландском языке.⁷⁶

О тогдашнем положении инославных христиан сообщал петербургский историограф Г. Богданов. Отметив, что «господствующая в Санкт-Петербурге, как и во всей России, есть вера восточная или православная Греко-кафолическая», русский автор продолжает: «В рассуждении же множества иностранцев, обитающих в Петербурге и протчия христианского исповедания веры употребляемые в Европе, как то: западная, или римско-католическая, лютеранская, реформатская, калвинская и армянская, имеют беспрепятственное и свободное, по обрядам своим, отправление богослужения, в нарочно устроенных для молитвословия церквах»⁷⁷.

А немецкий историк И.Г. Георги в начале 1790-х гг. писал про голландскую общину: «Приход голландских реформатов, который в 1717 году от лютеранского прихода святого Петра отделился, имеет с 1719 года собственного своего проповедника и в собственных своих домах по Невской перспективе церковь, которая не велика и ежегодно имеет от 4 до 7 крестников и около 50 причастников или взрослых членов»⁷⁸.

К концу XVIII в. это была обычная голландская реформатская церковь с церковным советом, пастором, представителем нидерландских властей (в XVIII в. таковым являлся посол), старшинами и дьяконами, церковным сторожем и певчим. Община посещала богослужения, которые проводились раз в день по воскресеньям, а иногда собиралась и в будний день – для библейских чтений. Церковные службы проходили в соответствии с порядком, установленным в реформатской церкви в Нидерландах: читались проповеди, несколько раз в год совершались церковные таинства – причащение и крещение; прихожане пели в церкви, сначала ведомые уже упомянутым певчим, а с конца XVIII в. – в сопровождении органа⁷⁹.

⁷⁴ Коопс Э. Йохан Исаак де Сварт в Санкт-Петербурге (1787–1791 гг.) // Голландцы и бельгийцы в России (XVIII – XX вв.). СПб., 2004. С. 38–39.

⁷⁵ Холтрон П.Н. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Краткий обзор. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Сб. статей. СПб., 2001. С. 19.

⁷⁶ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 90.

⁷⁷ Богданов Г. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779. С. 244.

⁷⁸ Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. Ч. П. С. 276.

⁷⁹ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб. 2004. С. 90.

Голландская община в первой половине XIX в. Строительство нового храма

Вплоть до конца XVIII в. в голландских храмах пели лишь рифмованные псалмы, но в Нидерландах в начале XIX в., когда в состав богослужений включили песнопения, церковь в Петербурге быстро приняла нововведение. Это была настоящая реформатская церковь в том смысле, что не каждый из прихожан допускался к причащению. Новоприбывший должен был представить доказательства своего права на участие в обряде причащения. Случалось также, что заезжий шкипер, даже если он прибыл вечером накануне службы, сначала проходил обряд конфирмации, перед тем как причаститься в воскресенье. Церковный совет всегда четко знал, кто принимал участие в обряде причащения. Что же касается церковного устава, здесь также придерживались правил, установленных на родине, хотя особые условия, связанные с местонахождением церкви в С.-Петербурге, требовали гибкого подхода⁸⁰.

О веротерпимости, бытовавшей в Петербурге, свидетельствует такой факт: 11 ноября 1800 г. нидерландский дипломат Ян Виллем Хоггер обвенчался в царской придворной церкви Зимнего дворца с Анной Александровной Полянской (ее отец Александр Полянский состоял членом Государственного совета, а мать Елизавета Романовна – графиня). Ему представилась высокая честь венчаться в придворной церкви – явное свидетельство близких отношений с царским двором⁸¹.

В 1802 г. пастора Й.Х.Л. Реутера сменил Г.М. Лампинг, скончавшийся в 1808 г. Его преемники служили также лишь короткое время: Д.Й. Янссен – с 1809 по 1814 г. и Д. де Клерк – с 1815 по 1817 г.⁸² В плане духовно-богословской ориентации здешняя община, так же как и почти во всех общинах в Нидерландах, была неоднородна: наряду с ортодоксальными прихожанами имелись и либерально настроенные. Можно было бы предположить, что община готова разделить со своим пастором представляемое им богословское направление, но такое случалось не всегда. В 1810 г. пастор Д.Й. Янссен писал барону Мерману в Гаагу, что в начале его служения немецкие прихожане посоветовали ему принять во внимание настроение общины и сделать свои проповеди *социнианскими* (либеральными), в духе времени. Такое было Янссену не по душе, и он проповедовал в евангелической манере – наиболее приближенной к тексту Библии и пиетической (в духе сочинений известного тогда поэта Иеронима ван Алфена)⁸³.

Амстердамский хлеботорговец Вильям де Клерк присутствовал в 1816 г. на богослужении в церковном зале. Он описывал его так: «Всего лишь одна комната, тем не менее убранная с очень большим вкусом; единственным украшением, здесь имевшимся, было нечто вроде трона для нашего посла»⁸⁴.

Желая продолжить застройку участка, руководство голландской общины еще в 1797 г. приняло проект архитектора И. Кребера, который предусматривал не только расширение и надстройку угловых зданий, но и возведение между ними отдельно стоящей церкви. Однако замысел этот был осуществлен частично – денег хватило лишь на сооружение трехэтажного доходного дома на углу Большой Конюшенной улицы. Со временем сдача внаем квартир доходного дома позволила общине накопить в банке значительный капитал – 120 тыс. руб. Кроме

⁸⁰ Там же. С. 90–91.

⁸¹ *Ян-Даам де Ланген*. Миссия нидерландского дипломата Яна Виллема Хоггера в Санкт-Петербурге. Голландцы и бельгийцы в России. (XVIII – XX вв.). СПб., 2004. С. 77.

⁸² *Холтрон П.Н.* Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Краткий обзор. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). Сб. статей. СПб., 2001. С. 19.

⁸³ *Холтрон П.Н.* Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 91.

⁸⁴ *Армаутсе А.В., Хаан Г. М. де*. Указ. соч. С. 70.

того, в 1816 г. великая княгиня Анна Павловна (сестра императора Александра I) стала супругой наследника голландского престола (с 1840 г. – король Вильгельм II) и следовательно, в финансовых и строительных делах можно было рассчитывать на поддержку правительства.

В 1819 г. голландскую общину возглавил пастор Э.А.Я. Тамлинг, прослуживший здесь более 20 лет (до 1842 г.). Пастор Тамлинг являлся представителем умеренно-ортодоксального направления кальвинизма, несколько смягченного эпохой Просвещения в Европе, для которого стала характерна идея о том, что откровение Божие не может идти вразрез с рациональной мыслью⁸⁵.

На годы пастырской деятельности Тамлинга пришлось строительство нового храма. Церковные владения голландской общины простирались от реки Мойки по Невскому проспекту до Большой Конюшенной улицы и требовали постоянного ухода и ремонта. До 1831 г., когда решили начать строительство новой церкви, там проводился лишь косметический ремонт. В 1819 г. по требованию соседствующей с церковью полиции был обновлен забор перед церковными зданиями со стороны Невского проспекта. В 1824 г. черепичную крышу заменили кровельными листами, тем самым покончили с непрерывными протечками. Церковные здания сильно пострадали во время наводнения 7 ноября 1824 г. Год спустя, также по приказу полиции, снесли деревянные конюшни и кладовые. И вскоре церковный совет решил строить каменное здание под руководством Йохана Хайнриха Хейнемана и Геррита Хармсена⁸⁶.

Добросовестность, с которой голландцы вели свое делопроизводство, достаточно полная сохранность документов дают редкую возможность проследить обстоятельства, сопутствующие возведению этой церковной постройки. В протоколе Совета голландской общины от 9 февраля 1830 г. записано: «Имеется в настоящее время значительный капитал и ожидается в дальнейшем его ежегодный рост, поэтому, по мнению большинства присутствующих, необходимо в ближайшее время застроить пустопорожнее место за деревянным забором по Невскому проспекту»⁸⁷.

Следующий документ датирован 22 августа 1830 г. Из него видно, что церковный совет обсудил чертежи, которые исполнил по заказу общины архитектор Рафаэль де Ригель из Рима. На представленных им проектных листах вырисовывался трехэтажный, с подвалами, жилой дом, выходящий тремя фасадами соответственно на реку Мойку, Невский проспект и Большую Конюшенную улицу. Саму церковь, «необычного вида, с куполом», архитектор расположил на набережной. Таким образом, де Ригель предлагал общине снести старые постройки и по периметру земельного участка соорудить новый ансамбль с церковью.

Все это оказалось столь необычно, что совет решил вывесить проектные листы для всеобщего обсуждения прихожанами, а «во избежание риска передать Академии художеств планы и сметы на исследование»⁸⁸. Наконец, 21 января 1831 г. вынесли решение вместе с новой церковью застраивать и весь участок. Стоимость работ определить в 400 тыс. руб. «Его величество император эту сумму, без сомнения, прикажет нам выдать из расчета 5 процентов годового роста с погашением займа из доходов»⁸⁹, – отмечалось в протоколе заседания совета. Однако, несмотря на такую расположенность царя, голландцы не могли позволить себе прекратить поступление доходов от сдачи квартир, а потому наметили вести строительство поэтапно и дом на Большой Конюшенной временно сохранить.

⁸⁵ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 90.

⁸⁶ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 72.

⁸⁷ Аспидов А.П. Указ. соч. С. 29.

⁸⁸ Там же. С. 29.

⁸⁹ Там же. С. 30.

Проект передали в «Комитет для строений и гидравлических работ»⁹⁰ с целью предварительного ознакомления. Но при прохождении через утверждающие инстанции и экспертизу Академии художеств встретились затруднения, а именно ректор Академии: статский советник и кавалер А.А. Михайлов признал планы де Ригеля «составленными хорошо и в целом красивыми». Однако он считал, что «для этого места сооружение слишком вытянуто, церковь надо ставить не на Мойке, а на проспекте». Не подписывали проект и в Комитете для строений. Сообщалось, что его председатель, генерал П.П. Базен, «особо обсуждает этот план, продолжает его обдумывать». Что касается самого автора проекта – де Ригеля, то он не торопился вносить в проект требуемые изменения.

Решение проблемы пришло весьма неожиданно. «Господин Павел Жако, архитектор на службе е.в. императора, профессор института путей сообщения, – говорится в протокольной записи от 5 марта 1831 г., – по собственному побуждению обратился через господина диакона Иоганеса Бекера к церковному совету с просьбой рассмотреть его проект церкви для нашей общины, вместе с домом, не требуя никакого вознаграждения в том случае, если его проект не будет одобрен».

Французский архитектор П. Жако, так же как и де Ригель, предусматривал трехэтажную постройку по всей длине участка с одним, впрочем, существенным различием – церковь размещена на середине большой площади, имея перед собой Невский проспект. В качестве образца П. Жако использовал мавзолей римского цезаря Диоклетиана в Сплите (Хорватия) – большое и элегантное здание с четырьмя величественными колоннами, скрывающими лестницу, ведущую ко входу, и двумя флигелями по сторонам. Зал в нем круглый, диаметр – 8 сажен. Совет нашел, что новые черты более отвечают желаниям и интересам общины, нежели предыдущие. В итоге к осуществлению приняли проект П. Жако, а ему поручили надзор за строительством⁹¹.

После того как община приняла проект П. Жако, сразу же устранились все препоны, связанные с прохождением по утверждающим инстанциям. Появилась возможность, не откладывая, начать строительство. В большой книге расходов сделана запись: «4 монеты по 5 рублей на закладку фундамента 15 июля 1831 года»⁹². Здание сооружалось быстро. Старшины церкви были заинтересованы в том, чтобы полученную от правительства ссуду в размере 300 тыс. руб. сроком на 26 лет под залог участка и углового дома на Большой Конюшенной улице как можно скорее освоить. К концу 1831 г. здание подвели под крышу⁹³. (Прежняя каменная церковь, построенная в 1742 г., использовалась до 11 апреля 1832 г.)

В течение последующих двух лет на участке, расположенном вдоль реки Мойки, завершаются каменные работы, делаются перекрытия и ведется отделка помещений. А еще через год квартиры в новом доходном доме начинают принимать первых жильцов. Готова к тому времени и церковь, для которой по чертежу П. Жако мастер Георг Людвиг Фридрих заранее – к сентябрю 1832 г. – изготовил орган⁹⁴.

Орган стал главным украшением новой церкви, он находился над входом в церковный зал. Инструмент, построенный в 1808 г. Йоханном Талем в Дерпте, значительно переделал местный органный мастер Г.Л. Фридрих, в чьем распоряжении орган находился с 1817 г. До этого он уже перестраивал органы англиканской церкви Св. Анны и римско-католической церкви. Фридрих работал вместе с органистом г-ном Шульцем и пользовался чертежами Жако. Для лучшего звучания орган изменили: трубы расставили шире, и они не задевали друг друга во время игры. В четверг 9 ноября на органе впервые играли в новой церкви. Члены церков-

⁹⁰ Комитет в 1831 г. состоял из восьми человек: П.П. Базен, В.К. Третер, П.С. Филиппов, В.П. Стасов, А.А. Михайлов, А.Л. Готман, К.И. Росси, И.Т. Кашкин.

⁹¹ Аспидов А. П. Указ. соч. С. 30.

⁹² Там же. С. 31.

⁹³ Там же. С. 31.

⁹⁴ Там же. С. 31.

ного совета и петербургские органисты высоко оценили работу мастера. Однако Фридрих в работе проявил слишком много инициативы: вопреки договору, он минимально использовал части старого органа и практически построил новый. В качестве штрафа церковный совет обязал Фридриха изготовить двух позолоченных ангелов с трубами по сторонам основной части органа⁹⁵.

Книга расходов и приходов, другие документы называют нам имена тех мастеров, кто непосредственно строил и украшал дом с церковью. Каменные работы выполнили крестьянин Дмитрий Грачев и купец Иван Зайцев, печные – мастер Давыдов, лепные – скульпторы Коесков и Балин, живописные – художник Васильев, 3 августа 1833 г. за роспись плафона ему заплатили 2100 руб.

Голландская церковь получила новое богатое убранство. Позолоченная бронзовая люстра, помещенная в центре купола, за 7000 руб. была заказана у петербургского изготовителя бронзовых изделий Карла Тегелстейна. Восемьдесят четыре ее свечи хорошо освещали церковь во время торжественных событий. Кафедру проповедника, стоявшую напротив входа, изготовил резчик по дереву Херфурт по проекту Жако. Кафедру выполнили из сосны, инкрустированной ореховым деревом; обрамление и резьбу покрыли тонким слоем позолоты.

Вдоль боковых стен стояли скамьи для посольства и церковного совета. Скамьи для прочих членов общины стояли по центру, с проходами по обеим сторонам. Скамьи по боковым сторонам, входные двери, кафедру и деревянную отделку стен выполнили из красного дерева, для остальных церковных скамей использовали ясень. Все работы по дереву, хотя и не без трудностей, завершили к освящению церкви в январе 1834 г.⁹⁶

Новую церковь открыли в воскресенье 14 января 1834 г. На торжество собралось много важных особ. Большую честь общине оказали своим присутствием будущие короли – принц Оранский Вильгельм II и его сын Вильгельм III. Они прибыли в Санкт-Петербург еще в декабре прошлого года и высказали готовность присутствовать при освящении новой церкви⁹⁷.

Время окончания всего строительства устанавливается по прошению старшин церкви Петербургскому обер-полицмейстеру от 15 июня 1837 г. – по поводу задержки с поставкой чугунных изделий для окончательного оформления фасада: «Чугунный заводчик Санкт-Петербургский купец Карл Грейсон... при возводившейся постройке первого отделения оной церкви по условию обещал отлить четыре балкона с подлежащими к ним решетками и установить их на месте к 14 октября прошлого, 1836 года; между тем как таковые и к настоящему времени совершенно не отделаны»⁹⁸. Когда же Карл Грейсон удовлетворил требование старшин? Ответ можно прочесть сегодня на одном из таких изделий – дворовых воротах со стороны Большой Конюшенной улицы: «1837».

Итак, сооружение дома Голландской церкви было завершено окончательно: оно продолжалось с 1831 по 1838 г. В архитектурном решении фасадов здания и его интерьеров виден один из образцов позднего классицизма второй четверти XIX в. с его утонченными, тщательно проработанными элементами декора. Лицо дома, обращенное к Невскому проспекту, украшено в центре торжественным 4-колонным портиком коринфского ордера. В треугольном тимпане фронтона помещен горельеф, изображающий двух ангелов, держащих раскрытую Библию. Над входом в храм можно было видеть надпись: «Deo et Servatori Sacrum» (лат. «Храм Богу и служителям»). Торжественным и величественным выглядел многоколонный большой круглый зал под великолепным куполом – необычный для сооружений такого рода в Петербурге, напоминавший об античном пантеоне, ротонде.

⁹⁵ Арнаутсе А.В., Хаан Г.М. де. Указ. соч. С. 84.

⁹⁶ Там же. С. 82.

⁹⁷ Арнаутсе А.В., Хаан Г.М. де. Указ. соч. С. 84.

⁹⁸ Астидов А.П. Указ. соч. С. 31.

Сохраняемые в СПбГИА проектные листы для дома Голландской церкви, выполненные в 1830-х гг., имеют в правом нижнем углу подпись их исполнителя – Павла Жако. Он создавал свой оригинальный проект на основе предварительного решения де Ригеля и предложения А.А. Михайлова и от первого до последнего дня руководил строительством. Это отнюдь не умаляет роли де Ригеля. 31 декабря 1834 г. де Ригелю «за планы» выплатили задержанные 3000 руб., а всего вместе с ранее выданными 15 700 – 18 700 руб.⁹⁹ Этот факт заставляет думать о серьезном вкладе де Ригеля в дело создания Голландской церкви. 9 сентября 1833 г. «за исследование планов архитектора де Ригеля ректору Академии Михайлову» выдали 125 руб.

К церкви с круглым куполом пристроили два здания, в которых располагались магазины, ателье и кофейни. Сдача в аренду обоих флигелей «церковного дома» голландским торговцам, а также знаменитым русским людям и учреждениям, приносила церкви немалую прибыль. В XIX в. доход от сдачи внаем «церковного дома» в десять раз превышал размер пасторского жалованья. Большая часть доходов шла на нужды школы, которую церковь содержала совместно с немецкой и французской реформатскими общинами, немалые средства выделялись на благотворительные цели¹⁰⁰.

Последующая жизнь здания голландской общины оказалась тесно связанной с развитием искусств в столице. На Невском проспекте в доме голландской церкви появилась вывеска музыкального магазина «Брандус и К°». Обстановка самого музыкального магазина описывалась следующим образом: «В новооткрытом музыкальном магазине каждый день множество гостей с трудом теснятся за роялем Глинки, за его прелестным альманахом, составленным из произведений лучших наших композиторов, за очаровательным его вальсом, который оглашал два лета сряду цветники Павловского вокзала». Очевидно, в магазине стоял рояль, любители, приходя в магазин, разбирали на этом рояле нововышедшие издания, спорили о красоте того или иного вальса, заводили разговор и о театральных делах¹⁰¹.

В 1833 г. в только что построенной части дома на углу Мойки и Невского проспекта «наняло квартиру на втором этаже, состоящую из восьми комнат, для помещения выставки и продажи картин» недавно образованное Общество поощрения художников. Переданные ему помещения еще при постройке дома были специально приспособлены для этой цели.

В бумагах секретаря Общества Н.П. Сабко в номерах «Художественной газеты» можно видеть фамилии известных живописцев, картины и рисунки которых выставлялись в доме Голландской церкви: А.А. Иванов, О.А. Кипренский, А.Г. Варнек, Ф.Ф. Щедрин, М.И. Воробьев, К.П. Брюллов, А.Г. Венецианов, М.Г. Крылов, П.В. Басин...

Однако спустя три года, найдя плату за аренду чересчур высокой, Общество переводит свою выставку в другое место, о чем печатается соответствующая информация в «Художественной газете»: «Выставка отечественных художественных произведений, находящаяся в доме Голландской церкви, по распоряжению комитета онаго переведена в заведение г-на Снегирева и К°, находящееся в доме Брюна на Невском проспекте за Аничковым мостом».

Через 13 лет выставка вернулась снова на прежнее место, но уже на более льготных условиях. Об этом сообщает контракт: «За 1920 рублей серебром в год, с церковными дровами для отопления»¹⁰². Теперь Общество оставляет за собой выделенное ему помещение надолго – до 1870-х гг. В доме Голландской церкви встречались не только живописцы, но и скульпторы. Здесь находился широко известный литераторам Петербурга магазин французской книги.

В Российской Национальной библиотеке хранятся литографии с изображением видов Петербурга и его окрестностей – ценные документы, дающие нам возможность увидеть сто-

⁹⁹ Там же. С. 32.

¹⁰⁰ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб. 2004. С. 89.

¹⁰¹ Столянский П. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1989. С. 137.

¹⁰² Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 32.

лицу России в середине XIX в. В свое время такая изопродукция распространялась по стране, продавалась за границу. В левом нижнем углу многих из них напечатано: «Издание Фельтена в доме Голландской церкви». Издательство находилось на первом этаже левой половины здания¹⁰³, таким образом, прошлое дома Голландской церкви в XIX в. тесно связано с развитием в столице культурной жизни.

Что же касается приходской жизни реформатской общины, то первоначально богослужение в церкви совершалось на немецком и голландском языках: на голландском – с мая до октября, когда в Петербурге было много матросов из Голландии, а с октября до мая – на немецком языке¹⁰⁴.

Голландская церковь находилась в ведении двух властей – голландской и российской, представленных нидерландским послом и Юстиц-коллегией. Последняя со временем стала все больше контролировать как внешнюю, так и внутреннюю сторону деятельности церквей, в том числе и инославных. Это зашло так далеко, что в 1842 г. голландская церковь настояла на придании ей статуса храма при посольстве лишь для того, чтобы избежать излишней бюрократии¹⁰⁵. Таким образом, в 1842 г. голландская церковь получила статус «посольской церкви». В том же году приход возглавил новый пастор – В.Л. Велтер, прослуживший в общине до 1867 г. Велтер – типичный для XIX в. ученый-пастор, занимавшийся, к примеру составлением каталога собрания рукописей из библиотеки императора¹⁰⁶.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ С. Л-з (инициалы). О лютеранских и реформатских церквях в Петербурге // Православное обозрение. 1863. Т. 12. С. 309.

¹⁰⁵ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 91.

¹⁰⁶ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 90.

Голландская община во второй половине XIX в

В течение длительного времени тесные торговые контакты с Россией поддерживали так называемые «русаки» – жители местечка Фризенвен, расположенного в северо-восточной части Нидерландов. Гонимые нуждой, они со временем целыми семьями стали селиться в С.-Петербурге. Фризенвенцы принадлежали к Реформатской Церкви, и молодые люди старались не вступать в брак с русскими девушками, так как в этом случае их дети получали бы православное крещение и воспитание. Некоторые все же вступали в брак, имели детей, воспитывали потомство в православной вере; многие из них оставались жить в России.

Первые фризенвенцы появились в нашем городе около 1740 г. Это – крестьяне, выращивавшие лен и подыскивавшие соответствующий рынок сбыта. Они формировали торговые товарищества («компании») и, таким образом уменьшив риск, везли свой товар на продажу. Петербург оказался хорошим рынком сбыта, так что все больше фризенвейнских купцов приезжало туда и открывало торговые лавки, которые затем держали их товарищи («компаньоны»), в основном из числа родственников. За это время возникли настоящие династии «русаков», как их именовали. Наиболее известными из них – Энгбертс, Хармсен, Янсен, Крюйс, Смелт, Тен Кате, Компаньен и т. д. Почти полтора столетия, особенно в XIX в., они играли ключевую роль в торговых контактах между С.-Петербургом и Фризенвейном.

Однако «русаки» не ограничивались одной лишь торговлей льном и использовали имевшиеся возможности для быстрого расширения ассортимента. В большинстве своем они преуспевали, о чем можно судить уже по тому факту, что они десятилетиями держали магазины на Невском проспекте, самой престижной улице С.-Петербурга. Вначале их пребывание было лишь временным, и в означенный срок они возвращались во Фризенвейн. Однако со временем некоторые из них, в основном молодые люди, учившиеся в Петербурге, стали оставаться там. Они вступали в брак с немками или русскими, а когда открылись железные дороги и стало возможным привозить жен из Фризенвейна, стали подыскивать себе пару среди представительниц петербургско-фризенвейнских семей¹⁰⁷.

Со временем социо-культурный состав общины изменился. Если изначально прихожане церкви – это в основном выходцы из Нидерландов, то к 1850 г. ситуация существенным образом изменилась: подавляющее большинство членов общиныросло корнями в Петербург¹⁰⁸. Самой многочисленной фризенвейнская колония была здесь в 1850–1870-е гг., после чего она стала уменьшаться¹⁰⁹. В целом в начале XIX в. Петербургская реформатская община насчитывала более тысячи человек (на 1810 г.), а в 1840 г. – вдвое больше. На 1863 г. Реформатская Церковь в России имела более 54 тысяч последователей, в том числе и голландцев. В дальнейшем, вплоть до начала Первой мировой войны, их число увеличивалось еще более.

В 1867 г. пастора В.Л. Велтера сменил Я.Х. Кюнст, а с 1873 г. начался долгий период служения пастора Х.А. Гиллота (с 1873 по 1902 г.).

Гиллот являл собой образ настоящего «современного» пастора. Появившаяся приблизительно в середине XIX в. «современная теология» стремилась увязать область философии и культуры с вероучением, и это отлично удавалось Гиллоту, обладавшему даром красноречия. Когда он проповедовал, весь Невский проспект заполняли кареты прихожан. Наряду с сопоставлением культуры и Евангелия он, к тому же, сумел совместить свою пасторскую деятельность со страстной любовью к юной генеральской дочери Лу Саломее. Девушка эта была

¹⁰⁷ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 89.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Дриссен Й.Й. Голландцы и русские. 1600–1917 гг. Из истории отношений между Россией и Голландией. Амстердам. Гаага. 1989. С. 143.

известной в истории западноевропейской культуры особой, испытавшей действие своего обаяния на Ницше, Рильке и многих других, в числе которых оказался и голландский пастор, павший, очевидно, первой жертвой ее чар¹¹⁰.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга состоят на учете 8 фондов реформатских церквей С.-Петербурга. Они включают в себя документы трех церковно-приходских общин: голландской, немецкой и французской, двух учебных заведений при них и Общества вспомоществования недостаточным ученикам этих заведений. В архиве хранятся личные фонды двух протестантских пасторов в Петербурге: Кроттэ Евгения Александровича (французская реформатская церковь; Ф. 2094) и Гиллота Генриха Адольфовича (голландская реформатская церковь; Ф. 2110).

Из них наиболее информативным представляется фонд пастора Г.А. Гиллота. В нем насчитывается 411 дел, самое раннее из которых датируется 1839 г., а самое позднее – 1919-м. Здесь особенно интересны документы, касающиеся деятельности Русско-Голландского комитета помощи раненым русским воинам в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и Русско-японскую войну 1904–1905 гг., об оказании помощи раненым бурам, в том числе о деятельности Русско-Голландского санитарного отряда по оказанию помощи раненым бурам в англо-бурской войне 1899–1902 гг., а также о службе российских подданных (добровольцев) в армии буров¹¹¹.

Архив отражает, например, участие Гиллота в помощи раненым бурам во время бурской войны в Южной Африке (с черновиком письма «русских Санкт-Петербурга» бурам с призывом «носить на груди написанный псалом Давида для отражения неприятельских пуль», а также списком «лиц, поклявшихся не покупать английскую литературу с 10 октября по 1 ноября 1901 г.»); в фонде Гиллота хранятся и сотни его проповедей¹¹².

Большой массив составляют документы, связанные с церковной деятельностью пастора, в частности рукописные тексты проповедей, а также письма Г.А. Гиллоту многих корреспондентов. В их числе: Н. Аверин, князя В. Барятинский и А. Бебутов, граф П. Бобринский, А. Бородин, генерал Бот, М. Веневитинов, сенатор А. Кони, президент Республики Трансвааль Крюгер и другие известные лица¹¹³.

С 1882 г. органистом Голландской церкви служил Йоханнес Каппель – замечательный композитор, органист, дирижер, основоположник эстонской профессиональной музыкальной культуры. К этому времени небольшому органу работы Г.Л. Фридриха исполнилось 50 лет. Он изрядно обветшал и перестал удовлетворять художественные запросы органиста и прихожан. Было решено установить в храме новый орган; выполнение заказа поручили фирме «Валькер», которая к тому времени построила для России около 40 органов. Фирма пользовалась великолепной репутацией, а инструменты, созданные ею в конце XIX в., и сейчас считаются непревзойденными образцами немецкого органостроения.

Инструмент изготовил мастер Герман Валькер с помощниками к осени 1891 г., и уже в декабре его начали монтировать в церкви. Он имел 28 регистров, 3 ручных и педальную клавиатуры, пневматическую трактуру В январе 1892 г. авторитетная комиссия, ознакомившись с инструментом, дала положительный отзыв о его качествах¹¹⁴.

Фирма «Валькер», устанавливая новый орган, тактично вписала его в старый «фасад», оставшийся от инструмента Фридриха и хорошо сочетавшийся с интерьером церкви. Таким

¹¹⁰ Холтрон П.Н. Голландцы и реформаты в С.-Петербурге. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 90.

¹¹¹ Шишкин В.М. Источники по истории инославных церквей в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга. Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 9–10.

¹¹² Холтрон П.Н. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Краткий обзор. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Сб. статей. СПб., 2001. С. 19.

¹¹³ Шишкин В.М. Указ. соч. С. 10.

¹¹⁴ Кравчун П., Шлятищев В. «Биография» юбиляра // Ленинградская правда. 16.12.1990. № 288.

образом, вся работа валькеровских мастеров осталась скрытой от взора слушателей – они внимали лишь великолепному звучанию органа¹¹⁵.

¹¹⁵ Там же.

Голландская община в начале XX столетия

Преемником пастора Г.А. Гиллота стал пастор Ф.С.А. Пантекук (1902–1912 гг.). До Первой мировой войны положение Голландской реформатской церкви в Санкт-Петербурге казалось непоколебимым. Церковь располагалась на Невском проспекте, главной улице Санкт-Петербурга, где она владела импозантным зданием с примыкавшими к нему модными магазинами, конторами и жилыми помещениями в так называемом «церковном доме». В «Новом церковном справочнике» ван Алфина, изданном в 1912 г., говорится: «Богослужения проводятся поочередно на голландском и немецком языках. Число членов общины достигает около 300 душ, среди которых около 100 имеющих право голоса мужчин. Община очень богата, так как получает ежегодно около 70 тыс. руб. от сдачи принадлежащих ей зданий».

Церковь была богата и в то же время щедра. Протоколы заседаний церковного совета и сопутствующая документация полны прошений о материальной поддержке, они, как правило, удовлетворялись. Церковь финансировала также сиротский дом, пункт раздачи бесплатного питания голодающим детям, организовывала уроки голландского языка и содержала вместе с Французской и Немецкой церквями собственную протестантскую школу. Членство в этой церкви считалось престижным¹¹⁶.

Во время Первой мировой войны Голландия сохраняла нейтралитет, в то время как Россия и Германия находились в состоянии войны. Голландская община решила по причине антинемецких настроений в Санкт-Петербурге отменить богослужения на немецком языке. Сохранялись богослужения только на голландском языке, проводившиеся раз в две недели¹¹⁷. Последним пастором Голландской реформатской церкви Петрограда был Х.П. Схим ван дер Луф, который начал свое служение в 1914 г. (вернулся на родину в 1920 г.)¹¹⁸. В 1916 г. голландская община насчитывала 261 совершеннолетних члена.

Летом 1917 г. жизнь в Петрограде резко ухудшилась. Это отражено в протоколе от 3 июля 1917 г.: «В 10 ч. 30 мин. пришло известие об уличных боях. Заседающие предпочли сначала завершить дела и лишь затем искать защиты за стенами своих домов». Пастор Схим ван дер Луф в случае эвакуации города уполномочен замещать администраторов. Празднование 200-летия существования церкви в 1917 г., «принимая во внимание обстоятельства времени», свелось лишь к праздничному богослужению. «По причине трудностей в типографиях» в 1917 г. не выпустили годовой отчет¹¹⁹. Однако самое тяжелое время еще не пришло.

¹¹⁶ *Стаалдауне Ван Т.Й.С.* Падение Голландской реформатской церкви в Санкт-Петербурге (1914–1927). Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Сб. статей. СПб., 2001. С. 104.

¹¹⁷ Там же. С. 105.

¹¹⁸ *Холтрон П.Н.* Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Краткий обзор. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Сб. статей. СПб. 2001. С. 19.

¹¹⁹ *Стаалдауне Ван Т.Й.С.* Указ. соч. С. 107.

Последствия октябрьской революции 1917 г

Вследствие национализации, проводившейся большевиками в 1918 г., голландская церковь и ее члены потеряли свое имущество, а таким образом, и источники доходов. На запасы наложили арест, недвижимость и банковские счета конфисковали. Ядро общины составляли «русаки», купцы города Фризенвейна в голландской провинции Оверайсел. Они потеряли все разом – дома, дачи, магазины и деньги. 16 июля 1919 г. значительную часть акций церкви объявили собственностью государства. На другой источник доходов – дом церкви – наложили арест, городские власти присваивали себе повсюду право распоряжаться жилыми домами¹²⁰.

Революция привела к тому, что голландская церковь потеряла также и школу. Во время войны в 1914 г. немецкий язык, на котором преподавали в школе, заменили русским, а две трети здания конфисковали под морской лазарет. После 1917 г. положение школы оказалось совсем невыносимым. Преподавание закона Божия в школе запретили. Кроме того, стремление к осуществлению идеала равноправия в получении образования всеми слоями населения повлекло за собой то, что обучение в школе стало бесплатным, тем самым подорвали финансовую базу этого частного учебного заведения. Правлению школы оставалось либо закрыть школу, либо передать ее властям, что и было сделано. Но и это не являлось гарантией сохранения школы как таковой – здание было конфисковано, обучение в здании школы прекращено и позже продолжено в нескольких квартирах в другой части города¹²¹.

Весь 1918 г. пастор Голландской реформатской церкви Х.П. Схим ван дер Луф исполнял также обязанности пастора немецкой и французской реформаторских и англиканской церквей. Однако работы у него стало еще больше в связи с тем, что в ноябре 1918 г. Голландия прервала дипломатические отношения с Россией и отозвала своего посла В.И. Оудендейка (Аудендайка). Официально интересы Голландии представляли швейцарцы, но неофициально функции посольства передали пастору. Ван дер Луф переехал в здание посольства (его жену и детей репатриировали) и собрал вокруг себя несколько сотрудников. Ему удавалось доставать через Красный Крест для голландцев, насчитывавших в Петрограде в это время всего 200 человек, продуктовые пакеты. Дипломатический статус голландской церкви вызывал у прихожан иллюзию защищенности¹²².

20 марта 1919 г. голландская община получила от министерства «Иностранных дел Республики Советов» документ, в котором указывалось, что помещение Голландской церкви освобождается от наложения ареста. И действительно, церковь на время оставили в покое, но это было лишь недолгое затишье. Уже 4 июня 1920 г. арестовали и посадили в тюрьму администратора церкви Франса Шмитта и видного члена общины Вихера Хармсена; Шмитту пришлось сдать новым властям ключи от сейфа и от несгораемого шкафа.

10 июня ему сообщили, что золото и серебро, найденное в церковном сейфе, конфисковали. Шмитт тщетно ссылаясь на документ 1919 г. Видимо, Шмитта и Хармсена просто убрали с дороги перед разграблением, так как 24 июня без предъявления обвинений и суда отпущен на свободу Шмитт, а через несколько дней и Хармсен. Об этом рассказывал Фр. Шмитт в следующем отчете о разграблении: «На следующий день после освобождения г-н Шмитт пошел в церковный зал и позвал к себе слугу Василия Дичева, сообщившего ему, что в отсутствие г-на Шмитта представители Комиссии с Гороховой (ЧК. – а. А.) вскрыли сейф и железный несгораемый шкаф и открыли все прочие шкафы и сундуки, и, побросав их содержимое в эти сундуки, увезли их, о чем составлен протокол, который с указанием передать его мне был вместе

¹²⁰ *Стаалдауие Ван Т.Й.С.* Указ. соч. С. 107.

¹²¹ Там же. С. 108.

¹²² Там же. С. 109.

с ключами вручен председателю домового комитета. После этого дверь сейфа была опечатана, но двери денежного шкафа и сейфа при этом не были закрыты»¹²³.

При ограблении сейфа церковная утварь осталась нетронутой. Однако и это длилось недолго. В начале июля 1922 г. Шмитт писал: «По распоряжению свыше разграбление церквей приняло все большие размеры и не ограничилось русскими церквями, но в круг интересов грабителей вошли также евангелические, и даже церкви иностранных государств не смогли избежать этой наглости. Так, сегодня мне был нанесен визит „Комиссией“, которая торжественно вручила „мандат“, удостоверяющий ее полномочия на конфискацию церковного серебра. Действительно, нужно иметь недюжинное самообладание, чтобы сохранить хладнокровие, выслушивая все эти циничные требования»¹²⁴.

Чтобы укрепить свои позиции, Шмитт просил правительство Нидерландов сделать заявление о том, что церковь на основании ее статуса посольской церкви не может являться собственностью Советской России. Здание церкви являлось экстерриториальным помещением и было, как таковое, неприкосновенным, по мнению Шмитта. Этим особым дипломатическим статусом Голландская церковь обладала с 1842 г., когда ее признали посольской церковью. Другие реформатские и евангелическо-лютеранские церкви находились под юрисдикцией и протекторатом российского правительства. Но Голландская церковь попадала под прямую юрисдикцию посла Нидерландов. Ее пастор являлся членом посольства в качестве капеллана¹²⁵.

В первые годы после революции из страны уехали многие члены голландской церкви. 2 июня 1919 г. арестован пастор Х.П. Схим ван дер Луф, но через некоторое время его выпустили на свободу. В 1920 г. на пароходе «Лингестроом» он вернулся на родину, и это означало, что его место стало вакантным фактически с лета 1919 г. О немецкоязычной лютеранской церкви Санкт-Петербурга известно, что она тщетно пыталась в 1920-е гг. приглашать на служение духовных лиц из заграницы¹²⁶.

Если Голландская церковь и предпринимала подобные попытки, они ей также не удались. Из-за отсутствия пастора, владеющего голландским языком, прекратили воскресные службы. По крайней мере, известно, что церковь с 1922 г. «не использовалась».

В октябре 1922 г. основали новую, русскоязычную протестантскую общину в Петрограде, получившую название Общины Иисуса Христа. Ее первое богослужение состоялось 19 ноября 1922 г. в лютеранском храме Св. Петра. Но уже вскоре община переехала в помещение Голландской реформатской церкви. Еще существовавший Совет голландской церкви видел в этом переезде гарантию сохранения духовного характера здания¹²⁷.

Франс Шмитт предоставил голландскую церковь под использование русскоязычной протестантской общине: «...чтобы в ней, по крайней мере, проводились богослужения, – писал он, – потому что имеется еще и опасность того, что церковь не просто закроют, но устроят в ней кинотеатр или что-нибудь в этом роде». Для необходимых религиозных обрядов (как, например, крещение или бракосочетание) заключили договор со «здешним пастором». Благодаря этому договору в 1922 г. член общины Евгения Хейнеман смогла вступить в брак, зарегистрированный церковным советом Голландской реформатской церкви¹²⁸.

В те годы Голландская церковь утратила большую часть представителей голландской колонии. Это подтверждается тем, что в протоколах собрания общины Голландской церкви 2 января 1923 г. указывается всего 32 взрослых члена. (Советские власти требовали еже-

¹²³ *Стаалдауне Ван Т.Й.С.* Указ. соч. С. 112–113.

¹²⁴ Там же. С. 114.

¹²⁵ Там же. С. 117.

¹²⁶ Там же. С. 120.

¹²⁷ *Холтрон П.Н.* Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Краткий обзор. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927 гг.). Сб. статей. СПб., 2001. С. 19–20.

¹²⁸ *Стаалдауне Ван Т.Й.С.* Указ. соч. С. 120.

годно предоставлять список минимально двадцати взрослых членов общины, берущих на себя ответственность за церковь.) Следовательно, можно исходить из того, что голландская церковь насчитывала до конца своего существования по крайней мере двадцать членов¹²⁹.

¹²⁹ *Стаалдауне Ван Т.Й.С.* Указ. соч. С. 122.

Последние годы церковной жизни

Так как церковь больше не использовалась для проведения голландских богослужений в период до 1927 г., у других религиозных общин появилась возможность пользоваться зданием Голландской церкви. 31 октября 1922 г. основана русскоязычная протестантская община имени Иисуса Христа. После первой церковной службы 19 ноября в лютеранской церкви Св. Петра они решили в дальнейшем проводить богослужения в пустующей Голландской церкви. Как сказано выше, Шмитт дал на это разрешение, потому что он надеялся сохранить таким образом помещение для использования в церковных целях. Русская община могла собираться по воскресеньям, начиная с семи часов вечера. Но Шмитт выставил свои условия: «Разумеется, я предоставил церковь бесплатно, однако освещение в ней должно оплачиваться. Далее, я составил несколько договоров о том, например, что ложа посольства не будет использоваться, далее, что соглашение может быть в любой момент расторгнуто, что нельзя устанавливать никакие образа, распятия и тому подобное»¹³⁰.

Запрет на использование икон свидетельствует о том, что Шмитт явно создавал свои «реформатские» корни. К его желаниям, однако, не прислушались. Молодая русская община сообщала: «...несмотря на сильное сопротивление церковного совета Голландской реформатской общины, в реформатской церкви был установлен красивый алтарь с образами и распятием...».

Русские богослужения хорошо посещались. В праздник церковь вместимостью на 370 человек заполнялась до отказа. До 1927 г., за неимением собственного священника, богослужения поочередно проводились различными пасторами. Когда церковь на Невском проспекте закрыли, община нашла пристанище в Финской церкви Св. Марии. С марта 1927 г. у нее появился даже собственный пастор – Курт Мусс, подвергшийся в 1929 г. вместе с членами своей церкви преследованиям за пропаганду среди молодежи. Вынесенный ему приговор – 10 лет лагерей – закрывает «русскую» страницу истории Голландской церкви¹³¹.

¹³⁰ Там же. С. 123.

¹³¹ Там же. С. 124.

Конец существования Голландской церкви

Сообщения от председателя церковного совета Голландской реформатской церкви в Петрограде Шмитта прерываются летом 1924 г. Неизвестно, уехал ли он из Петрограда или был арестован. История голландской общины в два последующих года также неизвестна. Можно только сказать, что в 1926 г. при храме еще оставался член церковного совета Ф.П. Грус, представивший в Рестаурационные мастерские Главнауки 9 ноября 1926 г. прошение «о желании отдать» здание Голландской реформатской церкви «под аренду академическому центру». Этот финансовый маневр не удался, так как в феврале следующего года помещение передали кукольному театру, а инвентарь церкви вывезли. (К тому времени зал для молитвенных собраний украшали большая бронзовая люстра, изготовленная по проекту П. Жако, настенные бра, деревянные сиденья полукруглой формы, картина «Тайная вечеря» над алтарем.)

Первым хозяином церковного помещения стал в 1927 г. кукольный театр, затем, год спустя, – драматический театр актерского мастерства, возглавляемый Л.С. Вивьеном. По его требованию в 1928 г. с купола церкви и с фронтона сняли крест и латинскую надпись, «как не соответствующие нынешнему назначению здания».

После революции уничтожены десятки ценнейших петербургских органов, но инструменту Голландской церкви повезло. В состав комиссии, определявшей дальнейшую судьбу здания, вошли профессора Ленинградской консерватории Грибен и Климов (тогдашний руководитель Капеллы). Они настояли на сохранении органа, а М.Г. Климов добился его переноса в зал Капеллы. К сентябрю 1927 г. эту сложную работу мастерски выполнил Г. Куят. При переносе добавили 4 регистра от одного из разрушенных инструментов «Валькера». В 1927 г. по настоянию профессора М.Г. Климова орган, стоявший на хорах Голландской церкви еще со времен ее постройки, передали Академической капелле им. М.И. Глинки, где он находится по сей день. А в 1928 г. орган Капеллы получил охранный свидетельский Наркомпроса РСФСР как инструмент, представляющий музейную ценность¹³².

В 1933 г. в Круглом зале бывшего храма произошел пожар. Документы сообщают, что «основное помещение здания почти полностью утратило свою архитектурно-художественную отделку: роспись купола отдельными местами была либо выжжена, либо закопчена и залита водой...»¹³³. Лепной карниз, пояс, капители, арки, оформляющие оконные проемы, искусственный мрамор колонн разрушены и испорчены. Сгорел и паркетный пол.

Рестаурационные работы, проведенные в 1935–1936 гг., ликвидировали ущерб, нанесенный пожаром. В 1936 г., сразу же после восстановления, помещения бывшей Голландской церкви переоборудовали под библиотеку. В 1977 г. библиотека получила и бывшие жилые квартиры в правом и левом крыльях здания, на втором и третьем этажах.

А у старого церковного органа началась новая, концертная жизнь. Ровно 40 лет «отслужил» он Капелле, не требуя ремонта, и лишь в конце 1967 г. чешские мастера фирмы «Ригер-Клосс» реконструировали инструмент, значительно расширив его, – теперь он имеет 45 звучащих регистров. Однако основной звуковой пласт остался «валькеревским» – из 32 старых регистров сохранились 27. Именно они определяют «благородный лик» сегодняшнего органа Академической капеллы им. М.И. Глинки. Опытные музыканты без труда выявляют первоначальную валькеревскую интонацию, умело оттеняя ее при необходимости более звонкими и острыми современными тембрами¹³⁴. В Капелле орган находится и сию пору, хотя и нуждается

¹³² Кравчин П., Шлятиков В. Указ. соч.

¹³³ Аспидов А. П. Указ. соч. С. 32.

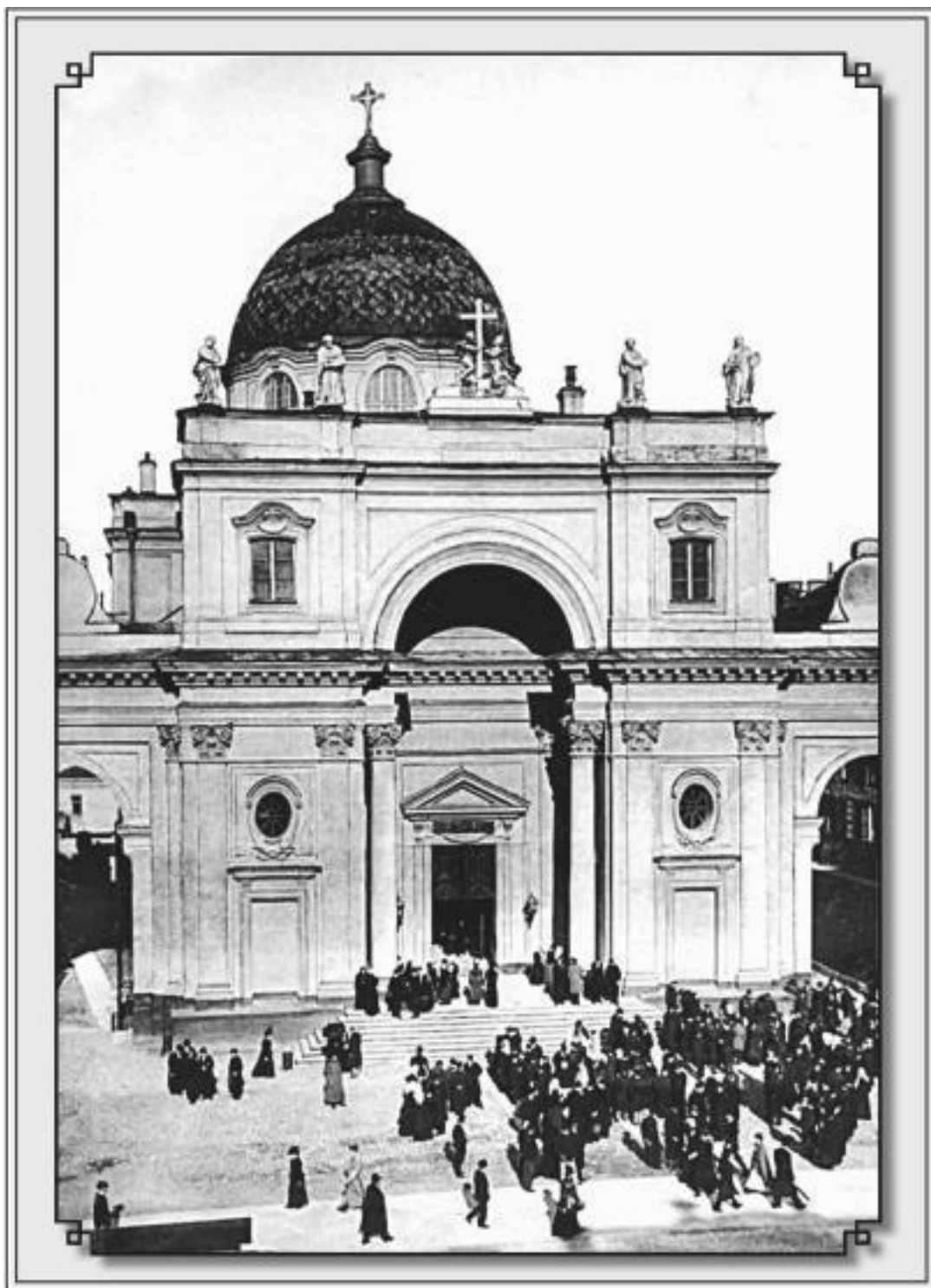
¹³⁴ Кравчин П., Шлятиков В. Там же.

в серьезной реставрации. Основанное в 1999 г. «Общество реставрации органа Капеллы» во Фризенвейне собрало средства, на которые его отреставрировали¹³⁵.

...В настоящее время в помещении бывшей голландской церкви находится читальный зал библиотеки им. А.А. Блока, и ничто не напоминает о прежнем назначении круглого зала с большим куполом. Но над входом в бывшую голландскую церковь два ангела по-прежнему держат раскрытую Библию...

¹³⁵ *Арнаутсе...* С. 84, примеч. 55.

Католический храм св. Екатерины

В один из дней 1828 г. в петербургском католическом храме Св. Екатерины было особенно празднично. Здесь при огромном стечении народа венчался Л.П. Витгенштейн, сын знаменитого фельдмаршала, «спасителя града Петрова», как его называли современники. На свадьбе присутствовали многие из его друзей – А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, И.И. Козлов, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, братья Брюлловы и другие выдающиеся деятели русской куль-

туры и искусства. Венчался же Лев Петрович с молодой петербурженкой – Стефанией Радзивилл, не раз воспетой в стихах Пушкина и Козлова.

Вот строки Пушкина, посвященные Стефании Доминиковне:

*Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нет! ни за что не назову!*¹³⁶

Стихотворение «Паж, или Пятнадцатый год», где можно прочесть этот отрывок, датируется 1830 г. Но поскольку «графиня» была уже замужем, поэт не упоминает ее имени и даже именует ее «севильской». Правда, в черновике этого стихотворения им допущена «утечка информации»: Пушкин неосторожно пишет: «...мою Варшавскую графиню»¹³⁷. Но эту черновую строчку надежно упрятали в архиве; не она стала причиной дуэли, ставшей смертельной для поэта.

¹³⁶ Пушкин А.С. Полное собр. соч. Т. III. Ч. 1. М., 1948. С. 235.

¹³⁷ Пушкин А.С. Полное собр. соч. Т. III. Ч. 2. М., 1949. С. 843. Болдино, 7 октября 1830 г.

Католическая община в Санкт-Петербурге. Петровская эпоха

В жизни инославных христиан, живших в России, важным событием явился «Манифест Петра Великого» от 16 апреля 1702 г., который провозглашал принципы веротерпимости. «И понеже здесь в столице нашей, – говорилось в „Манифесте“, – уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя и с нашей Церковью несогласных христианских сект, того ради и оное сим вновь подтверждается таким образом, что по дарованной нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пеших о блаженстве души своей. И так мы крепко того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и в частном отправлении богослужений обеспокоен не был, но при оном содержан и противу всякого помешательства защищен был»¹³⁸.

В то время «столицей нашей» была Москва, где имелась довольно многочисленная католическая община. В 1703 г. французский посланник в России де Балюз (de Baluze) отправил в Париж очередное донесение, в котором он упоминает о московском католическом храме. Как сообщал французский дипломат, в этой церкви «служат два почтенных немецких священника; им (немецкой. – а. А.) император платит по тысяче флоринов в год; в упомянутой церкви находится гобеленовый ковер с гербом Франции, изображающий крещение (императора римского. – а. А.) Константина»¹³⁹.

По словам того же автора, «эти священники ходатайствовали в Вене о денежном пособии, которое дало бы им возможность выстроить каменную церковь, и о прибавке двух священников, долженствующих отправиться для преподавания утешения католикам, находящимся в астраханском войске и в Азове»¹⁴⁰. Эту депешу отправили во Францию в октябре 1703 г., вскоре после основания на берегах Невы града Петрова.

В числе прочих иностранцев, принимавших участие в застройке Санкт-Петербурга, наряду с протестантами были и католики. На первых порах они не имели своего храма, и богослужение совершалось в частных домах. Это также предусматривалось в «Манифесте»: «Буде же случится, что в каком-либо месте нашего государства или при наших армиях и гарнизонах не будет настоящего духовного чину проповедника или церкви, то каждому позволено будет не только в доме своем самому и с домашними своими службу Господу Богу совершать, но и принимать к себе тех, которые пожелают у него собраться, для того чтобы, по предписанию всеобщего постановления христианских церквей, единогласно восхвалять Бога и таким образом отправлять богослужение»¹⁴¹, – говорилось в царском указе.

В те годы члены «Общества Иисуса» (иезуиты), жившие в Москве, совершали нелегкие по тем временам поездки на невские берега для духовного окормления своих единомыслителей. Так, в донесении за 1704 г. они сообщали: «Была поездка в Петербург у Финского залива за 138 германских миль; ездили ради живущих там офицеров-католиков»¹⁴².

В «годовом отчете» не указывается число католиков, живших в Санкт-Петербурге; сведения даются по России в целом: «Крещено 10; елеопомазано 6; погребено 9; приобщено Св.

¹³⁸ Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) с 1649 г. Т. IV. СПб., 1830. С. 193. № 1910.

¹³⁹ Депеша № 5. Москва. 3-го октября 1703 г. // Сборник Русского Исторического Общества (далее – Сб. РИО). Т. 34. СПб., 1881. С. 29–30.

¹⁴⁰ Там же. С. 30.

¹⁴¹ ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830. С. 194, № 1910.

¹⁴² Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 186.

Тайнам почти 800 человек»¹⁴³. Это вполне объяснимо: в сравнении с другими городами, которые посещали московские иезуиты, количество католиков в Санкт-Петербурге было не столь велико.

Тем не менее в эти годы на Адмиралтейском острове, западнее Летнего сада, была устроена деревянная католическая церковь¹⁴⁴. Она располагалась в доме, купленном на пожертвования иностранцев у капитана флота (впоследствии адмирала) Гордона¹⁴⁵.

Храм был открыт не позднее 1706 г., поскольку именно в том году московские иезуиты сообщали своему духовному начальству: «Снова наши ездили в Петербург, и работавшими там для светлейшего царя нюрнбергскими и швейцарскими скульпторами сделана для новой церкви сень с предстоящими довольно большими ангелами»¹⁴⁶.

Связи С.-Петербурга с Нюрнбергом поддерживались и в дальнейшем. В «Истории Петра» А.С. Пушкин сообщает о том, что 30 октября 1716 г. русский царь прибыл в Любек, «откуда отправился в Ниренберг, где велел одному живописцу снять с себя портрет в профиль – и отослал оный в Петербург с повелением вырезать его на рублях, кои и появились на следующий год»¹⁴⁷.

Это была вторая заграничная поездка Петра I; основная цель его визита в ряд стран Западной Европы состояла в том, чтобы упрочить коалицию нескольких государств для борьбы с лютеранской Швецией. Однако в ходе Северной войны (1700–1721 гг.) в сражениях погибали не только православные и протестанты, но и католики. Зимой 1708 г. шведский король Карл XII двинулся к России, но победа русских войск под Лесной (28 сентября / 9 октября) лишила его провианта и подкреплений. О последствиях этих событий упоминается в отчете московских иезуитов за 1708 г.: «Снова ездили в Петербург, где в самом бедственном положении содержалось на триремах более 300 пленников из Литвы. Из них в течение трех месяцев, можно сказать, сгнило от цынготной болезни, а не умерло что-то около 50 человек. У каждого из них мы были; всем преподали Св. Тайны и роздали милостыню»¹⁴⁸.

В том же донесении члены «Общества Иисуса» рассказывают о своей миссионерской деятельности и о той трагедии, что произошла на их глазах у невских берегов. «На этих же триремах находился также один татарин, которого называли Караимом, – продолжает католический миссионер свое повествование. – Он клятвенно уверял священника, что такая же Дева, какую почитают поляки на образе, убеждала его во сне сделаться христианином, и хотя этому его видению мало придавали веры, но все-таки его наставили в это время в веру, как вдруг река Нева, скованная льдом, прошла, и в течение 8 дней не было никакой переправы вследствие ледяных гор, приплывающих в эту реку из Ладожского озера, так что священнику невозможно было прийти к тому татарину. Между тем татарин заболел сильной и смертельной горячкой. Он, однако, твердо держался своего решения принять крещение и верил в заступничество Пресвятой Девы. Наконец, на 9-й день прибыл священник, отыскал его, когда он уже совершенно был близок к смерти. Священник немедленно крестил его, и после того татарин почти через час умер»¹⁴⁹.

Верные традиции, католические миссионеры подвели итог своей деятельности в российских землях за 1708 г.: «Обращено еретиков 4; крещено 9; елеопомазано 70; умерло вообще,

¹⁴³ Там же. С. 186.

¹⁴⁴ Этот храм находился на том месте, где позже В.П. Стасовым было построено здание казарм Павловского полка. В нем при советской власти разместилось управление Ленэнерго. (Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 232).

¹⁴⁵ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885. С. 40. Прим. 200.

¹⁴⁶ Письма иезуитов... С. 188.

¹⁴⁷ Пушкин А.С. ПСС. Т. 10. М., 1938. С. 228.

¹⁴⁸ Письма и донесения иезуитов... С. 190.

¹⁴⁹ Там же.

считая тут пленников, 96; Святых Тайн приобщено свыше 1670»¹⁵⁰. Число католиков, живших в Санкт-Петербурге, постоянно росло, и в 1709 г. сведения о них в отчете московских иезуитов уже выделены особой строкой: «В настоящее время католиков в Петербурге у Финского залива – 70»¹⁵¹.

Об одном таком пополнении местной католической общины сообщал французский посланник де Лави. В своем донесении из Санкт-Петербурга от 18 июня 1717 г. он пишет: «Сюда прибыло 17 французов разных ремесленников и художников; между ними находится один пожилой человек, профессор философии, вызванный для того, чтобы преподавать русскому дворянству. Он мне рассказывал, что имеет честь знать Его Высокопреосвященство кардинала де-Полиньяка. Он сделал несколько наблюдений во время путешествия и обещал сообщить их мне также, как географическое описание этого города, которое намеревается составить для пересылки Его Высокопреосвященству, и обещал мне с него копию»¹⁵².

В октябре 1710 г. в петербургском католическом приходе завели метрическую книгу (впоследствии она хранилась в архиве церкви Св. Екатерины). В книге регистрировались бракосочетания, рождения, крестины, погребения. Первым священником, который вел эту книгу, был о. Вольфганг Гейдингер, доминиканец из Формбакского монастыря. В 1712 г. в Санкт-Петербург прибыли «*praefectus apostolicus*» – священник-францисканец Микель-Анджело из Вестиньи и член «Общества Иисуса» о. Скорти. После кончины о. Микель-Анджело в Санкт-Петербург в 1715 г. прибыли о. Карл, уроженец Лукки, также подписывавшийся титулом «*praefectus apostolicus*». Что касается о. Скорти, то в помощь ему направили еще несколько иезуитов. (Всех их выслали из Санкт-Петербурга в 1719 г.)¹⁵³

Одним из видных членов петербургской католической общины был выходец из итальянской Швейцарии Доменико Андреа Трезини (ок. 1670–1734). Родился Трезини в небольшом городке близ Ломбардии, в округе Лугано, Тессинского кантона¹⁵⁴. «Доменико Трезини за все время своей службы неизменно пользовался большим почетом и уважением. Петр I очень благоволил к нему и неоднократно доказывал это на деле, – пишет один из биографов итальянского архитектора. – В метрической книге первой в Петербурге католической церкви, находившейся в Греческой слободе, где Трезини был одним из первых церковных старост, имеется запись о рождении у него в марте 1710 г. сына Петра, восприемниками которого были император Петр и дочь адмирала Крюйса»¹⁵⁵.

В Санкт-Петербурге Доменико Трезини (Андрей Якимович) занимался активной градостроительной деятельностью. В «Истории Петра» А.С. Пушкин приводит один из царских указов 1714 г.: «О строении каменном на городском и Адмиралтейском острове, а в прочих местах деревянном по плану архитектора Трезина»¹⁵⁶.

В том же 1714 г. Петр I повелел воздвигнуть каменный Петропавловский собор на том месте, где стояла прежняя деревянная церковь. Его строительство, продолжавшееся 8 лет, осуществлялось по проекту Доменико Трезини. Что же касается католического храма, стоявшего на другом берегу Невы, то, как и прочие церковные постройки, срубленные из дерева, он оказался недолговечным. Со временем встал вопрос о ее перестройке, о чем упоминает в своем донесении в Версаль французский посланник де Лави. По его словам, Русский Двор «весьма расположен вести непосредственную торговлю с Францией и с Испанией и намеревается предоставить нашему народу разные льготы, как, например, несколько лет безвозмездного

¹⁵⁰ Письма и донесения иезуитов... С. 190.

¹⁵¹ Там же. С. 191.

¹⁵² Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 226.

¹⁵³ Петров П.Н. Указ. соч. С. 40. Прим. 200.

¹⁵⁴ Корольков М. Архитекты Трезини // Старые годы. 1911. Апрель. С. 17.

¹⁵⁵ Там же. С. 25. (Эта книга хранилась в архиве римско-католической церкви Св. Екатерины.) Там же. С. 30. Прим. 27.

¹⁵⁶ Пушкин А.С. ПСС. Т. 10. М., 1938. С. 211.

пользования земель для постройки домов и даже католической церкви, обширнее той, которую мы имеем и которую этот государь одарил, дарование свободы совести и подобные тому льготы»¹⁵⁷, – сообщал французский дипломат из Петербурга в послании от 28 марта 1715 г.

В начале 1720-х гг. прежний деревянный католический храм перестроили в камне. Сведения об этом содержатся в книге ганноверского (брауншвейг-люнебургского) посланника при Дворе Петра I Фридриха-Христиана Вебера «Преображенная Россия» (Франкфурт, 1721 г.). Немецкий дипломат жил в России с 1714 по 1719 г.; в приложении «О городе Петербурге» он пишет: «Теперь я подхожу к самой лучшей слободе на реке, она, собственно, называется Адмиралтейским островом, но обычно ее именуют Немецкой слободой, так как в этой части города живет большинство немцев... Здесь есть католическая церковь, тоже деревянный дом, но теперь ее перестраивают в камне»¹⁵⁸.

С первых лет своего существования католический храм находился в ведении «Общества Иисуса». Однако в связи с делом царевича Алексея (1718 г.) Петр I выслал иезуитов из России, и на их место прибыли капуцины. Именной указ «О высылке иезуитов за границу» был издан 18 апреля 1719 г.¹⁵⁹ В мае того же года на этот счет последовало царское повеление. О причинах высылки иезуитов сообщал датский путешественник Петер фон Хавен, побывавший в России в 1730-х гг. Вот что пишет он по этому поводу: «Иезуиты в мае 1719 года были изгнаны из России – отчасти из-за возникших тогда недоразумений между русским и германским императорскими дворами; по ходатайству последнего этому ордену было дозволено пребывать в Российском государстве. Отчасти же – из-за опасных махинаций и известной страсти вмешиваться в политические дела, о чем (российский) император недвусмысленно уведомил в своем по сему поводу изданном манифесте, который был прибит на дверях католической церкви»¹⁶⁰. Иезуитов обвиняли в том, что «при отправлении духовных служб корреспонденцию имеют политическую»¹⁶¹.

В книге датского автора приводятся подробности, о которых не упоминают другие его современники, писавшие о тех событиях. «Некий патер-иезуит по имени Энгел был за это посажен под арест вместе со своим коллегой, однако спустя пару месяцев выпущен, после того как дал письменное обязательство, что никогда не станет мстить, и притом ему было приказано не покидать Петербурга, покуда не завершится следствие по делу московитских и украинских падре, – продолжает Петер фон Хавен. – Один иезуит по имени патер Франц подвергнулся во время этих событий величайшей опасности, так как ироническим письмом жестоко пропесочил одного русского епископа. Примечательно, что следствие выявило в государстве иезуитов больше, чем предполагали; они жили там неузнанными, занимаясь мирской работой»¹⁶²

¹⁵⁷ Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 106.

¹⁵⁸ Цит. по: Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 231.

¹⁵⁹ ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830. № 3356. С. 694.

¹⁶⁰ Хавен Петер фон. Путешествие в Россию // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 336.

¹⁶¹ Петров П.Н. Указ. соч. С. 40. Прим. 200.

¹⁶² Хавен Петер. Указ. соч. С. 336–337.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.